ЧЕТЫРЕ СЕРЫХ ЦЫПЛЕНКА

Мистера А

16+

ГЕНРИ КИМ

Генри Ким

Четыре серых цыпленка Мистера А

«Автор»

2021

Ким Г.

Четыре серых цыпленка Мистера А / Г. Ким — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-93801-4

Мистер А — глава центра психологической поддержки «Терапия души» — самый загадочный человек в городе. Его личность скрыта за псевдонимом, а методы лечения пациентов сомнительны. Без препаратов, без уколов, без палат наставляет он наперекор спонсорам, требующим прибыли. Но и у бизнесменов кончается терпение. Деловому человеку ничего не стоит поступиться принципами, семьёй, друзьями - особенно чужими. Под удар попадает главная тайна Мистера А - его старый друг Рим, некогда по той же причине ставший инкогнито. По какой же? Четыре ужасающие и ломающие разум истории связывают бывших друзей и влияют на жизни новых. Предательство, шантаж, пытки, беспредельная нежность, любовь семьи, детский юмор, галстуки, свитера и жёлтые зубы - что ещё творится за стенами "Души"?

ISBN 978-5-532-93801-4

© Ким Г., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Часть первая 5
1 6
Глава первая 12
Глава вторая 18
Глава третья 24
Глава четвёртая 27
Глава пятая 33
Глава шестая 38
Глава седьмая 41
Глава восьмая 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Генри Ким
Четыре серых цыпленка Мистера А

Перед тем как начать, я должен объяснить одну вещь. Эту историю пишу я, Мистер А, но о себе я говорю в третьем лице. После событий, описанных ниже, я внимательно расспросил каждого героя о его чувствах, мыслях, действиях на протяжении этих двух месяцев, поскольку мне было важно знать их истинные посылы. И так уж получилось, что я представляю эту книгу вам. Слишком поучительной и необычной получилась история, чтобы остаться только в воспоминаниях. Уверен, она сослужит кому-то хорошую службу.

С любовью и пониманием, Мистер А

Часть первая

Какой смысл делать что-либо, если этого никто не видит?

1

– Я расскажу вам одну историю. Историю жизни и правды, наполненную моментами, которые не каждый заметит. Её знают всего пара человек, и она очень много для меня значит. Пожалуйста, дослушайте до конца.

Я был очень необычным ребёнком. Вечно бродил в одиночестве по игровым площадкам, крышам складов и заброшенным домам. Такие прогулки вели меня совсем не туда, куда следовало: я замыкался, путался в понятиях и долго определялся с ориентацией. Появись у меня друзья пораньше, они бы объяснили мне, что такое девочки и за что их любить, но в ту пору я разбирался в себе сам, без посторонней помощи, потому нередко выходил на распутье. Я мог быть хорошим или плохим. Не рискну предположить, кем стал, но уж точно не космонавтом.

Когда мне было шесть, отец уже не жил с нами, и я проводил много времени в деревне с бабушкой, пока мать зарабатывала нам на жизнь. Мама помогала нам, а я помогал бабушке: доставал из погреба картошку, подметал и таскал дрова, а вечером вместе с ней и дедом мы смотрели телевизор. С такой теплотой и нежностью я вспоминаю наши чаепития, что становится грустно от того, что сейчас подобное уже невозможно.

В этой же деревне через дорогу от бабушки жила моя тётя. Когда я не ползал по дедовой мастерской и ближайшим стройкам, я прибегал во двор к тёте, чтобы поглядеть на её скотину. В ту пору тётя держала приличное хозяйство: овцы, коровы, гуси. Валяющихся в грязи свиней я видел чаще, чем валяющихся в грязи ребят, – возможно, это стало одним из факторов моего идеализма.

У моей тёти был пёс. Кличка Тайсон. Моя любимая русая дворняга. Большой, схожий с овчаркой друг, всегда весело вилявший хвостом, когда видел меня. Ему нравилось, когда ему чесали за ушами, когда я катался на нём или снимал с цепи и бегал рядом с ним по деревне.

В один из солнечных летних дней, когда все мои родственники праздновали юбилей деда, я пришёл поиграть с Тайсоном. Тайсон обрадовался мне, но как-то меньше, чем обычно.

«Наверное, он проголодался», – подумал я. Когда бабушка отправляла меня в магазин, я обычно проходил через огород тёти и, возвращаясь, угощал чем-нибудь пса: например, отрывал кусок от буханки, другой край которой уже отгрыз сам. В тот раз хлеба у меня не было, и я чувствовал себя виноватым. Если моя мама ходила на какой-то праздник, день рождения или застолье, она всегда приносила домой кусок торта или фрукты. Всё в дом – так заведено у нас в стране, – но о Тайсоне почему-то никто не подумал. В полусотне метров от будки моя родня объедалась вкусностями, а перед Тайсоном лежали только облепленные мухами свиные кишки.

Я налил в пустую миску воды, но Тайсон не хотел пить. Я жалостливо сморщился. Если бы он попил, это бы меня успокоило. Мне так хотелось сделать его счастливым. Я хотел накормить любимого пса, хотел, чтобы он снова скакал от радости, резвился, позволял мне кататься на нём верхом. И мне пришла в голову идея.

У моей тёти был курятник. Несколько куриц и выводок цыплят клевали зерно за решётчатым забором. Одним из моих любимых занятий было ловить их на убой, тётиным – хохотать над моими попытками. Я с радостью гонялся за ними, хватал за крылья, со смесью страха и удивления смотрел, как опускается топор.

Держа в голове мысль о голодном псе, я залез в клетку, прикрыл за собой дверцу и попытался поймать одного из цыплят. Помню, как долго у меня ничего не получалось, как они жались от меня по углам, будто знали, что для них эти руки предвещают смерть. Курицы залазили под насест, громко кудахтали и прятали под крылья птенцов. Маленькими ручками я

пролазил куда угодно, и одного цыплёнка я смог-таки выудить из-под крыла: серого и слабого; он только недавно родился, ковылял и имел мало перьев.

Я поднял максимально некрасивого цыплёнка на уровень глаз: он пытался вырваться и царапал мне руку своим мягким клювом. Его клюва я не боялся: как и у любого другого мальчишки, мои руки были все в порезах и волдырях от крапивы. Радуясь добыче, я выбрался из клетки, плотно её закрыл, удивившись, что курицы даже не смотрели на меня: они выбрались в центр, к кормушке, и принялись искать на земле зерно, будто бы не замечая пропажи, – и направился к повесившему уши Тайсону. Маленькое серое сердечко маленького серого комочка быстро-быстро стучало в моём кулаке. Никогда бы не подумал, что пульс может быть таким частым. Мягкий клювик бился о толстую покарябанную руку и всё-таки смог меня ущипнуть. Обиженным взглядом я посмотрел на цыплёнка и, подойдя ближе к будке, с удовлетворением швырнул его псу на растерзание.

И в тот момент, когда маленький серый цыплёнок коснулся земли, когда он перестал падать, пытаясь махать крыльями, случилось то, чего я никак не мог ожидать. Момент, запомнившийся на всю жизнь, момент прояснения, момент истины.

Бум! – помню, как в голове раздался взрыв.

Я ни разу не видел своего пса таким. Тайсон приподнял голову с земли, но не стал вести себя как добрый, милый сердцу лохматый друг, не стал резвиться, махать ушами, ласкаться. В одно мгновение он превратился в ощерившегося монстра и бросился на цыплёнка.

Бум!

Действительно, бросился, действительно, стал монстром, мой лохматый добряк!

Бум!

Любимый пёс топтал лапами максимально некрасивого цыплёнка.

Бум!

Взрывы внутри головы пронзали мою нервную систему будто отравленным клинком, ноги резко подкосились, и я схватился за забор, чтобы не упасть. Пыль не успевала оседать на серый беспомощный комочек того, что могло когда-то вырасти петухом или курицей, она клубилась под собачьими лапами, и на долю секунду я даже подумал, что это туман. Потому что всё было в тумане. В тумане я видел рычащего пса, который больше не хотел есть. Он хотел убивать.

Моё лицо исказилось, на голове, по ощущениям, встали волосы, и от мурашек по черепу стало больно. Я заорал так, будто заживо съедали меня, и одновременно заплакал. Я второй раз попытался поймать цыплёнка. Точнее, я подумал об этом, но сделать ничего не мог – Тайсон рычал и не подпускал близко. Очень опрометчиво пытаться забрать ужин у голодного пса.

В его зверских глазах я должен был прочесть благодарность.

В моих обезумевших глазах кто-то должен был увидеть причину. Зачем?

Я не знал.

Что происходит?

Я не знал.

Я был самым растерянным шестилетним мальчишкой в мире, в одну секунду потерявшим все свои знания о сущем и его обитателях, максимально беспомощным жалким существом. Пока не увидел палку. Как обезьяна, зародившая цивилизацию, я ощутил чуть ли не испуг, чуть ли не отвращение, когда взял её в руку, и сразу чуть не выронил. Когда я стал замахиваться, все мысли из головы исчезли, будто я потерял личность, перестал понимать, кто я.

В моих растерянных глазах кто-то должен был увидеть смысл.

Схватил палку, замахнулся, ударил пса, она отлетела, он ощерился, маленький мальчик испугался, схватил снова, замахнулся, зацепился за штанину, порвал, зашатался, упал.

Спустя двадцать с лишним лет я не могу осознать, что я тогда чувствовал, хоть и просматривал эту историю у себя в голове тысячи раз, – так много в ней намешано эмоций. Отчётливо

помню, что маленький мальчик чувствовал себя ужасно неловким, будто впервые поселился в своём теле. Отчётливо помню, что взгляд терялся, дыхание рвалось, тело стало ватным и непослушным, как случается, когда пролежишь долгое время в ванне с горячей водой. Отчётливо помню, каким неравномерно тяжёлым казался конец палки, действительность кренилась с каждым поворотом головы, но всё же маленький мальчик смог несколько раз взмахнуть палкой перед носом пса.

Сознание резко вернулось, и я выронил палку, но продолжал отгонять Тайсона руками – сквозь истерику, сквозь панику, пока цыплёнок ещё хромал и шевелился.

Господи, как я орал! Как вопили клетки моего тела, моего мозга, наказывая меня болью по всему телу! Я же хотел сделать доброе дело! За что со мной так?!

Кажется, я упал на колени. Кажется, я смог отогнать пса. Смог спасти из когтей монстра того, кого я отдал ему на съедение. Монстр прыгал из стороны в сторону, свирепо рыча, но всё же выпустил добычу из пасти. Монстр отошёл. Кажется, попытка улыбки появилась на моём лице (такие бывают после инсульта), как будто я сделал что-то важное. На земле лежал пыльный мёртвый цыплёнок.

Кидая цыплёнка собаке, я совсем не думал о таком, не представлял себе такого. В остановившемся моменте у меня не было ни эмоций, ни чувств. Ошеломлённый десятый раз за несколько минут, я стоял перед пыльным серо-жёлтым трупиком. На нём практически не осталось перьев, и лапка неестественно торчала в сторону. Подумайте, каково ребёнку впервые увидеть смерть? А теперь удесятерите боль осознания – ведь именно он принёс эту смерть.

До того как я бросил цыплёнка на съедение, у меня в мозгу было лишь две неподвижные картинки: грустного, повесившего морду, голодного пса и его же, но радостного и махающего ушами. И между ними стрелочка. Что из чего получится. Но в момент «**Бума!**» картинки разъехались, и стрелочка вытянулась, превращаясь в анимацию, где милый грустный пёс стервенеет и рвёт на куски цыплёнка. На загривке шерсть встаёт дыбом, зубы, покрытые желтизной, становятся грозным оружием. Зверь пробуждается.

Он лежал передо мной. Мёртвый, недвижимый, тухлый. Не разорванный, только затоптанный. Помятый. Тайсон рычал где-то около будки. Я вновь мог воспринимать информацию: видел, слышал и ощущал всё, что происходило вокруг, причём очень ярко и реалистично – но в голове падал «снег»: серая рябь, покрытая перьями.

И одна-единственная мысль, овалом света озаряющая экран:

«С е й ч а с э т о к т о – т о у в и д и т»

Самая страшная мысль за всю мою жизнь. Сейчас это кто-то увидит. Сейчас кто-то узнает, что я сделал. Узнает, что я убил цыплёнка. Тётиного цыплёнка.

В моих чёрных впадинах глаз кто угодно мог увидеть страх.

Тело покраснело и осыпалось мурашками размером с шарики для пинг-понга. Дичайшая истерика, бессловесная паника, предвкушение наказания – всё нахлынуло в одну секунду; детская эмоциональность возросла в разы. Совесть, стыд и страх – всё вывернулось наизнанку, и сквозь это варево пробилось спасительное:

«От этого нужно избавиться»

С ужасом осознавая, что я собираюсь сделать, я поднял с земли палку. Пытаясь улыбнуться, я стал подталкивать псу мёртвое тельце.

– Ешь, пёсик, кушай.

Слёзы текли по щекам. Трупик податливо перекатывался в пыли; от мерзости я отдёргивал руку, а пёс от резких движений пугался.

– Кушай, пожалуйста, меня же накажут.

В моих слезах Тайсон должен был увидеть мольбу о помощи. Рот кривился в гримасе. Пёс недоверчиво смотрел из-за будки и воротил нос. Цепь не давала ему уйти далеко.

– Пожалуйста, пёсик, – крупные капли катились из глаз.

– А-а-а-а-а-а-а-а! – во всю мощь лёгких завопил я, когда на тельце цыплёнка щёлкнули зубы Тайсона. Я так резко закричал, что перешёл на визг и, задохнувшись, закашлялся, захрипел. Пёс, остерегаясь, потрусил к будке, откуда недовольно и опасливо посмотрел на меня. Я кричал, не думая о том, что меня могут услышать. Мне просто было очень-очень больно.

Господи, что я натворил! Я просто хотел сделать как лучше!

Эту историю до сих пор слышало только два человека. Я и мой брат. Так вот, ответьте мне на один вопрос:

хороший я парень или плохой?

В полуосвещённой аудитории царило молчание. За следующие несколько секунд никто не произнёс ни слова. Из коридора доносился звук протираемого стекла, и Мистеру А показалось, что он находится в тумане, который уборщику из коридора померещился запотевшей прозрачной дверью.

– На самом деле я немного лукавлю, – продолжил Мистер А, улыбаясь, – эту историю я рассказываю уже в четвёртый раз, всегда на мероприятиях вроде этого. Но ответьте мне, зачем я поделился с вами такими ужасными воспоминаниями? Я же должен вас завлекать, заманивать, а такой историей можно лишь эпатировать. Не скажу, что это не приносит мне удовольствия, но причина не в этом. Я чувствую, что у меня кровь бежит по жилам и горят щёки, ведь рассказывать такое – невероятный стресс, вы согласны? Так зачем же я это сделал?

В зале продолжала висеть тишина. Предположений не поступало, но на задних рядах кто-то зашевелился. Мистер А, опасаясь, что сейчас кто-нибудь встанет и уйдёт, поспешил продолжить.

– Только для вас, – Мистер А распростёр руки, будто собирался обняться. – Я хочу построить некий доверительный мост между мной и вами, между «Терапией души» и любым из присутствующих здесь. Я приглашаю вас так же, как и я только что, рассказать о сокровенном, личном, сбросить тяжкий груз с души. Посмотрите на меня, я красный как рак, я не блефую, это реальная история, и мне сейчас очень стыдно за происшедшее. Мне стыдно опускать взгляд и смотреть вам в глаза, но в то же время я чувствую лёгкость и радость от того, что смог поведать об этом. Впервые я рассказал эту историю именно здесь. Тогда ещё никто – ни моя мать, ни отец, ни жена – не знали этого, и я открылся перед вами, перед моей второй семьёй. И продолжаю открываться, потому что знаю, потому что верю, что здесь меня не осудят, здесь могут сказать, что я был плохим вчера, но не сегодня, когда решил поделиться. И так произойдёт с каждым, кто выйдет в этот круг, я гарантирую.

Глаза некоторых присутствующих подобрели. Противный коридорный скрип стекла исчез – возможно, рабочий приостановился, заинтересовавшись речью Мистера А, но, скорее всего, просто закончил работу и ушёл.

– Есть и вторая причина, по которой сегодня я рассказал вам эту историю. Именно эту историю. Ради одного эффекта. Я называю его эффектом серого цыплёнка. Я опишу его так: ты хотел сделать что-то хорошее, но оно обернулось кошмаром, потому что ты не посмотрел с другой стороны. Вспомните: я хотел сделать доброе дело – накормить собаку, – некоторые лица скривились в отвращении, – без злого умысла, жажды мести или ненависти к пернатым. Маленький мальчик ещё не сталкивался с конфликтом интересов на таком уровне, не понимал,

что такое смерть и боль для животного, потому и не задумывался о благополучии цыплёнка. И лишь когда он увидел, что натворил, увидел, что цыплёнок тоже чувствует боль, понял, что хороший поступок обернулся, не побоюсь этого слова, убийством с другой стороны. В этот момент, момент БУМа, – помните? – ценности изменились. Пришло осознание, пришли новые эмоции, не испытываемые прежде. К двум картинкам с грустным и с радостным псом добавилась третья, самая ужасная. Цыплёнок должен быть жёлтым. А он оказался серым. Собака должна быть другом. А она оказалась монстром.

Лица большинства присутствующих по-прежнему выражали неуверенность. Что Мистер А должен был прочесть в их пустых глазах?

– Наверняка многие из вас знают байку, что я сейчас расскажу. Аудитория, лекция, преподаватель поднимает в руке книгу, показывая её присутствующим, и спрашивает: «Какого цвета книга?» Кто-то отвечает, что она красная, на обложке ничего не изображено, только красный цвет, но преподаватель говорит, что ответ неверный. Все подхватывают, возмущаются, мол, нет, она красная, абсолютно все называют книгу красной. Преподаватель качает головой и разворачивает книгу другой стороной. С другой стороны обложка оказывается чёрной. «Всё зависит от точки зрения, – провозглашает преподаватель. – Никогда не стремитесь быть в чём-то уверенным, пока не посмотрите с другой стороны».

В моей истории всё точно так же: одно оказалось другим, стоило посмотреть с другого ракурса. Потому в детстве мы более жестоки. Мы ещё не умеем оценивать предметы критично или многогранно. Вспомните, как в школе мы дёргали одноклассниц на косы, обзывали друг друга, дрались каждый день после школы. Сейчас, будучи взрослыми людьми, мы не позволяем себе такого. Говорят, только ребёнок может убить без мотива. Так и есть, они просто не понимают, что это плохо. Какой родитель сможет наглядно показать смерть ребёнку? И как? Убьёт на его глазах собаку, жука, паука? Я и сам не знаю, как объяснить своему ребёнку такое, но как-то нужно. Детство – это болезнь, которая лечится только временем, опытом. О, Лидия, наконец-то, что ты хочешь сказать?

– Когда я была маленькой, – встала из переднего ряда девушка с соломенными волосами, сжимая локти, – четырнадцатилетние ребята считали, что доставать из гнёзд скворцов яйца и разбивать их об стену перед девчонками – весело. Они хохотали и носили нам, девочкам, показывать трупики. Это было омерзительно!

– Это ужасно, Лидия, – поддержал её Мистер А, не переставая крутиться, – я согласен. И для четырнадцати лет такие поступки непростительны. Видимо, эти ребята крепко отстали в развитии.

– Да, сейчас они оба в тюрьме.

– Отлично, – сказал Мистер А и внутренне прикусил язык, – это только доказывает моё предположение, но суть всё та же. Где-то чего-то когда-то кому-то из нас не хватило, не додали или дали с перебором, поэтому сейчас всплывают на свет все недуги. Ожирение, злоупотребление наркотиками, спиртным, клептомания, жестокость – огромный перечень проблем, которые появились из семьи или окружения и вовремя не были оценены по достоинству. На причины, предшествующие этому, не посмотрели с нужной стороны. Здесь, в нашей большой семье, во второй семье, в центре психологической поддержки «Терапия души», я и ещё два десятка профессиональных лицензированных психологов занимаемся тем, что помогаем разобраться в этих проблемах. Мы, внимание, не подсаживаем на таблетки, не выписываем рецептов, мы выслушиваем, никогда не осуждаем, помогаем людям с их проблемами, переживаниями, заботами. Делаем мы это либо при личных встречах, либо в общем кругу, как захочет клиент. Да, мы называем вас клиентами, вы не больные люди, не пациенты. Пациенты годами лежат в палатах, и у них от такого времяпрепровождения атрофируются мышцы. Мы же работает иначе. Мы делимся своими переживаниями, мыслями, искренне помогая вам в неформаль-

ной обстановке. Кто-нибудь может себе представить, что сеанс у психолога проходит в парке аттракционов? При прогулке по парку? За обедом с его семьёй?

Лица присутствующих уже не выглядели испуганными или отталкивающими, скорее заинтересованными. Мистер А подошёл максимально близко к краю сцены.

– Вы нигде не встретите такого отношения, как здесь. Подобного заведения вообще нет в стране. Это новое, инновационное, наше личное детище, одобренное ВОЗ и Министерством здравоохранения. В столице пытаются нас нагнать, хотят ввести что-то подобное, но мы первые, а значит, лучшие. И мы работаем не ради денег. Мы собрали персонал из людей, горящих идеей помощи ближнему. Это не означает, что занятия бесплатные, хотя они тоже есть, но цены невысокие. Точную информацию вы найдёте в буклетах.

В зале зашелестели буклеты. Каждый с безразличным скучающим взглядом старался открыть свою рекламку как можно тише, но общий шелест перекрыл на несколько секунд слова Мистера А.

– Кхм… Повторюсь. Мы становимся близки с вами. Мы становимся вашими друзьями, и многие психологи поддерживают связь со своими пациентами в личное время, просто потому что хотят. У нас работают добрые, отзывчивые люди – с этим придётся смириться. Команда специалистов со всего света: Марокко, Никарагуа, Берлин, Бостон, Кёльн, города нашей страны. Я сам лично проводил отбор каждого специалистов и уверен в каждом из них. Иначе говоря, дамы и господа, я рад вам представить центр психологической поддержки «Терапия души»!

Глава первая

Рим

– Под твоей шапкой должно быть место для меня, – мечтательно предполагал Рим, разглядывая девушку, сидящую в углу. – Господи, как чешется нога!

В конце очереди, протянувшейся через весь зал ожидания, ложкой смаковала йогурт некая особь женского пола, из-под серой шапки которой спадали на плечи серые волосы. Рима волновали две вещи, связанные с девушкой: вопрос – почему она не снимает шапку, если в помещении не холодно, и наблюдение – за изысканной трапезой. Стянув ботинок и носок, Рим закинул стопу на колено и, расчёсывая зудевшие на пальцах подошвенные бородавки, любовался тем, как красный язык девушки полз по верхней нежно-розовой губе, слизывая кремовый йогурт, и оставлял его толстым слоем по краю, словно грязь колеёй. Медленно, с мягким шершавым звуком язык забирался вглубь тёмной пещеры, ощеренной сталактитами жёлтых потрескавшихся зубов, и вновь выбирался на поверхность, на уровень выше или ниже, будто пользовался лифтом. Глаза Рима закатились от нахлынувшего удовольствия. Боже, как хорошо!

Вчера вечером он намазал бородавки раствором чистотела, не подозревая, что это растение может сделать с кожей. Через несколько минут после процедуры пальцы ног зверски защипало, будто кто-то десятками игл проткнул все болячки разом. Почти всю ночь Рим не мог заснуть, ворочался, но не решался смыть адское средство: очень хотелось избавиться от случайно подхваченных в общественной душевой болячек, которые теперь раздулись огромными кратерами вокруг обугленной кожи.

Кожа у девушки, кстати, что на лице, что на руках, хоть и лоснилась, но выглядела приятной и мягкой, а пальцы приемлемой длины совсем не напоминали паучьи лапки. Помимо зубов и манеры выскребать йогурт со дна баночки языком, она, пожалуй, являлась самым приятным человеком в очереди, и потому Рим наблюдал за ней. Пальцы руки скребли по пальцам ноги, доставляя неимоверное удовольствие, и Рим остановился лишь тогда, когда увидел на ногтях кровь. Натянув обратной стороной носок и обув ботинок, он вытер руки о штаны и занял более удобную позицию для наблюдения. Более-менее прилично одетая, с кулоном знака зодиака на шее и перчатками с лисятами на коленях, она обедала или завтракала, пока остальные просто сидели, уткнувшись в смартфоны и журналы.

«Заработай».

«Вакансии».

«Работа тут».

«Любая работа».

Заголовки пестрели в пожелтевших от сигарет и исцарапанных руках, от нечего делать пролистывающих броские страницы. Журналы по трудоустройству светились рекламными предложениями и каталогами товаров, и свет от них отражался на лицах присутствующих. Он словно бы въедался в их и без того жёлтую кожу.

Парадокс: именно те люди, которые не могут позволить себе лишние траты, покупают лишние вещи. Листами, разворотами страницы пропадали в карманах ожидающих, некоторые из которых заказывали доставку чудо-товаров прямо из очереди, звонили жёнам, мужьям, рас-

сказывая о чудо-предложениях, и, слушая брань в ответ, матерились и сбрасывали. Сглатывали. Хавали.

Те предложения, что втюхивали им.

Ту агрессию, что сливали на них.

Те взгляды, которыми на них смотрели окружающие.

Люди с лицами цвета больничного горшка старались выглядеть очень занятыми, непривыкшими распинаться по пустякам.

– Алло! Люся! Короче, я тут прочитал в газете, что золото скоро подорожает. Золото, говорю, подорожает! Короче, ты это… Ну его диван этот, ты цацки свои пока не продавай, я рейку прибью новую, ещё будет держаться. Алло! Люся? Не трогай брюлики, твою мать, я сам отнесу! Не трогай, тебя же там… обманут, как пить дать! В золото, говорю, будем вкладываться, дура!

Девушка в серой шапке, в отличие от вперивших взгляды в орущего господина людей, даже не глядела по сторонам, всецело посвятив себя облизыванию крышечки йогурта. Словно кошка, только с толстым лицом и нарумяненными милыми щёчками, пухлыми ручками с короткими пальцами и глубоким вырезом на ягодной кофте, выглядывающим из-под расстёгнутой куртки, она покачивала головой и мурлыкала от потребляемого ей лакомства. Достав из сумочки книгу, девушка прижала обложку к ноге так, что увидеть название не представлялось возможным, и перелистала почти до конца все страницы.

«Наверное, – предположил Рим, – она тоже часто сидит в очередях».

Крупный мужчина, расположившийся напротив девушки, в рубашке с расстёгнутыми двумя верхними пуговицами, открывающими невинное детское, но расчёсанное красное тело, словно он носил свитер на голую кожу, протянул девушке платок, чтобы она вытерла подбородок. Она сделала это так сексуально, что мужчина покраснел ещё больше.

Входная дверь резко открылась, и в приёмный кабинет «Центра занятости населения» ворвалась, словно ветер, выбивающий створчатые окна в штормовую ночь, работница кабинета с пакетом еды из близлежащего кафе. Люди заёрзали на стульях, побросали журналы, затеребили в руках справки, которые могли их денежно вознаградить, и по всему коридору нестройным хором разнеслись возгласы в духе «наконец-то» и «сколько можно ждать». Почти все навострили носки ног в сторону вновь обретшего жизнь кабинета, и гул задрожавших коленок защекотал барабанные перепонки в ушах. Волоски внутри закачались волной, а напряжение в помещении возросло – кто угодно мог пролезть без очереди, и каждый был готов его остановить. Воздух наэлектризовался. Все были на взводе. Мамаши в растянутых майках покрепче прижали к грудям младенцев, мужчины с вдавленными в череп глазами нахмурили брови, дети под яростными взглядами родителей перестали ползать под диванами и спустились с потолка. И только девушка с жёлтыми зубами, серыми волосами, в расстёгнутой куртке мерно покачивала носком полусапожка, устремлённого в потолок.

Возбуждённые посетители следили за работницей, и та, вероятно, чувствовала себя неловко под пристальными взорами крысиных глазок. Она не переставала взмахивать руками, перебирать папки с документами, шуршать бланками. Её коллега, её зеркальная копия, брюнетка в строгой одежде с волосами в пучке, собиралась обедать и набирала кипяток из кулера в кружку. Женщина нервничала, её кожа становилась влажной под пронзающими копьями глаз, словно она всем телом нависала над дымящейся кружкой. Она никогда, сколько раз Рим сюда ни приходил, не работала с людьми, только с бумагами, но людские взгляды впивались в неё жёлтыми клыками, сдавливая дёснами до синяков на коже, всем своим видом, поведением, эмоциями на лице, даже мыслями осуждающими вздорную, несносную и бог знает ещё какую девушку за то, что она решила пообедать.

Этим людям плевать на то, что у девушки законный перерыв. Им плевать, что её работа вообще никак не зависит от продвижения очереди. Безумные глаза вгрызаются в булочку,

вытащенную женщиной из бумажного пакета, принесённого коллегой, быстрее неё, испепеляя её глазами до состояния уголька – наверняка затем, чтобы у работницы разыгралась изжога; безумные глаза ненавидели её за то, что между посетителями и едой она выбрала еду.

Этим людям плевать на заботы женщины, они хотят продлить документы о своей несостоятельности, хотят и дальше получать чеки, на которые будут кормиться сами.

– Посмотрите, какой я жалкий, мне тяжело жить, меня не берут на работу. Государство должно обо мне позаботиться.

– Извините, а вы не пробовали отмыться?

Сухой старик с кольцами вен на руках молол во рту невидимый кусок теста и смотрел на работницу. Честное слово, нужно иметь железные нервы, чтобы мочь есть под таким давлением.

Женщина, собиравшаяся трапезничать, видимо, не выдержав атаки ветхой беспомощности, с кружкой в руке отвернулась к окну, а другая объявила: «Следующий». Десятки ног разогнулись вмиг, слишком быстро поднимая сотни килограмм. Что есть силы Рим сжал зубы – ему почти физически стало больно от того, как затрещали кости в десятках коленей, и он почувствовал, что давно не посещал стоматолога. Один из подскочивших нырнул в кабинет, остальные поднявшиеся встали друг к другу так тесно, что соприкасались телами, будто горошины в стручке. Только разогнув как следует спины, очередные тяжело вздохнули, наполняя помещение ужасными запахами недельных завтраков, пота и гнили. Худосочные старики, безрукие инвалиды, загипсованные калеки, дети, жмущиеся к родным и чужим ногам, – большая часть присутствующих выстроилась в линию, давая передохнуть сидениям, стремящимся отдышаться, пока предоставляется возможность. Рим и девушка с пустой коробочкой йогурта остались сидеть на своих местах.

Рима смешила эта ватага, выстроившаяся в ряд, и нисколько не волновала. Он знал своё место в очереди и продолжал искоса разглядывать девушку с йогуртом. Она стучала пальцами по сумке и листала страницы книги: кажется, её тоже не особо волновало происходящее.

Рим любил очереди. Со школьной скамьи, когда посещение поликлиники обеспечивало право пропускать уроки, он любил проводить время в очередях, любил медленно перемещаться с одного места на другое, наблюдать за людьми, нервничающими и торопящимися. Они не понимали, что могут заняться делами, находясь в очереди: звонить и договариваться по телефону, отправлять или верстать документы на ноутбуке, обедать, составлять меню на ужин, разговаривать с детьми. Рима не смущало то, что он проводил в одном помещении несколько часов: он читал или рисовал, размышлял о жизни или делал наблюдения – в общем, не скучал. И знал главное: сидя здесь, он зарабатывал деньги.

Чтобы получить справку для пособия по безработице, нужно провести немереное количество часов в очереди с целью доказать свою непригодность. Для нормального человека просидеть несколько часов на стуле – пытка, ему не терпится встать, размять ноги, поработать. Для лентяя и раздолбая – это блажь небесная.

Семь раз посиди – один раз встань.

Отдыху время, работе – час.

Если нормальный человек встаёт в многомесячную очередь на детский сад для своего ребёнка, на льготное жильё, на скрининг на наличие рака – он постоянно звонит и интересуется, как обстоят дела, как продвигается очередь, на каком он месте. Прохиндей и растяпа в это время просто валяется на печи и чешет утянутый кушаком живот.

Рим относил себя ко второй группе.

Когда вы попадаете в приёмную «Центра занятости населения», вам предлагают варианты работы, пытаются устроить в мире – перевести в разряд работяг, и если вы соглашаетесь на работу, а после возвращаетесь, и так происходит несколько раз подряд, вам выписывают

пособие. Практически все присутствующие уже давно прошли первоначальный этап и теперь, приходя, выдумывают места, где им отказали в приёме на работу.

«Газпром».

«Лукойл».

Министерство ведомственных дел.

Они выдумывают организации, которые никогда не принимают на работу таких, как они.

«Аэрофлот».

«Роснефть».

Фармацевтическая компания «Пульс».

Они одеваются так, чтобы по ним было видно, что у них нет средств к существованию. Рваные штаны, вылинявший заменитель шерсти, обесцвеченные блузки и футболки с дырочками от пепла сигарет.

«Ингосстрах».

Mercedes-Benz.

«Рус-агро».

Перед тем как идти за справкой о пособии, они не чистят зубы и не моются, вероятно, по несколько дней. Их уши измазаны серой, волосы торчат из носа, ногти не подстрижены. О дезодоранте не может быть и речи. Когда Рим в первый раз попал сюда, его чуть не вырвало.

Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

S7 Airlines.

McDonald's.

А вот тут следует быть осторожней. Все знают, что в общепит возьмут кого угодно и медицинскую книжку заведут примерно через год. Если вообще заведут. И увольняют из таких заведений только за кражу, с которой сюда уже хода нет. Допускающие такие промахи быстро получают работу.

Всё это походило на огромную ложь, и Рим являлся её частью. Нет, он выглядел прилично, но, как и другие, играл с государством в кошки-мышки. И, находясь среди подобных людей, он становился таким же грязным, подлым и отторгающим, как и они. Среди людей, которых просто так не встретишь на улице.

Серьёзно, вы нигде больше не увидите таких людей, кроме как здесь. Только если очень повезёт. Или если вы ищете приключений по подворотням и заброшенным сараям. Если попробовать взглянуть на присутствующих глазами по ошибке зашедшего в отдел по вопросам трудоустройства человека, можно очень удивиться: почему я не встречал этих людей на улицах? Уж точно бы обратил внимание.

Они, шатающиеся по улицам, остаются за стёклами офисов, пока вы работаете. Они покупают еду на рынках и только в послеобеденное время. Они ходят в магазины, только чтобы украсть водку, от которой будет не так сильно болеть голова. Когда вы ложитесь спать и закрываете окна, чтобы не слышать шум машин, они горланят песни на лавках и до окоченения пальцев, до провала в сон играют в карты и домино во дворах. Закутываясь в тёплые вещи летом, они спят под деревьями, под заборами, в лучшем случае в напомаженных копотью коммуналках. Возможно, пока вы идёте по дороге в наушниках, торопитесь на встречу, в клуб, в гости, за вами наблюдают чернявые мальчишечьи глаза из-за постсоветской занавески. Мальчишка шмыгает носом и, оторвавшись от окна, продолжает прыгать вокруг бормочущих что-то в пьяном бреду родителей, забирается, как птенец, под потную, усыпанную болячками руку, чтобы получить немного тепла. Пока вы гуляете с друзьями, за мусорными баками может валяться обгадившийся бомж со спущенными штанами: наутро он проснётся, отряхнётся, умоется в фонтане или луже и пойдёт за пособием – да, и такие люди здесь тоже сидят. Хотя, если они слишком грязные – с них, например, течёт, – окружающие их выпроводят за дверь.

Они всегда рядом – взрослые индиго, супергерои социального мира, городские легенды без почестей и имён – именно они, а не пожарные, врачи и полицейские. Именно они показывают реальность лицом. Именно поэтому вы и не встречаете их на улицах.

Очередь двигалась. По мере приближения к кабинету люди всё больше напрягались. Расчувствовавшись, они источали ужасные ароматы из ртов. Рим стал прикрывать нос рукавом. Если бы он стоял в очереди – упал бы в обморок.

Девушка тоже начала кривить лицо. Рим потрогал карман – там лежал платок. Вот он, заветный шанс! Вот она, возможность подойти и познакомиться! Готового встать и подойти Рима, проворачивающего первые почти верные фразы в голове, остановили – работница кабинета крикнула какую-то фамилию, и девушка с жёлтыми зубами, от неожиданности чуть не выронив сумку из рук, проскочила мимо недовольной очереди.

Сжав губы и выкатив глаза, Рим встал, и на него обернулись все в стоячей очереди, недовольно вращая носами. В их крысиных глазах ясно читался страх остаться позади и ненависть к чужаку из другого стада. Некоторым особо тучным личностям недоставало лишь хрюкающего пятачка, чтобы выказать истинное неудовольствие, остальные весьма неплохо справлялись с ролью. Чувствуя себя полным идиотом, Рим попятился назад к стулу, уже опёрся ладонью на сидение, готовый присесть, но тут произнесли и его фамилию – и он вновь попал под взгляды озлобленных глаз.

Войдя в кабинет, Рим увидел девушку с йогуртом со спины и отметил про себя, что она зря надела шапку. Она сидела у стола работницы, которая поманила Рима к себе рукой.

— Говорю для вас обоих, – начала она, вскинув от бумаг глаза. – Вам нужна работа, в отличие от этих, – скривилась она и метнула взгляд за дверь, нисколько не опасаясь, что «эти» её услышат, – у вас есть медицинские книжки, стаж. Оба вы живёте рядом с одним магазином. Супермаркет «Вишня» увеличивает помещение, они набирают персонал. А может, и не увеличивают, кто знает. Неважно – заявки есть. Работник зала – кассир. Выкладка товара, замена ценников, товар выгрузить – мальчикам, – сделала акцент она, – продажи. Ну как обычно, понимаете? Заявка вообще одна, но в таких делах обычно путаница, понимаете?

Рим не видел эмоций на лице сидящей девушки – она не повернулась, чтобы посмотреть на соперника.

– Пойдёте на стажировку? Попробовать-то можно сходить – настаивала работница, обращаясь ко мне. – Впрочем, ещё освободилось место сторожа свалки. Могу вас записать и туда.

– Нет, спасибо, работник зала – хорошо, – заторопился Рим, убирая бумажку с адресом магазина, временем и датой стажировки в карман. – Всего доброго.

Девушка выходила следом. Она элегантно встала, накинула сумку на плечо, словно бретельку бюстгальтера, и прошла мимо Рима, даже не взглянув на него. Прошла мимо лиц цвета больничной штукатурки. Прошла мимо своего будущего.

Так считал Рим. Когда оба вышли на улицу, он всё решался подойти к девушке, шёл следом. Но чем дольше собирался с силами, тем сложнее ему казались непроизнесённые слова.

В момент девушка остановилась и чуть повернула голову вбок, словно обнаружила за собой слежку. Рим тоже остановился и стал ждать, пока девушка обернётся и заметит его. Качнувшись на одной ноге, она достала из сумочки пустую коробочку из-под йогурта, запустила ей в стоящую в двух метрах от неё урну и зацокала каблуками по асфальту.

– Отличный бросок, – выдавил из себя Рим, оставаясь на месте.

Не двигаясь, он тянулся за ней взглядом, пока она не скрылась в переулке.

– Интересно, она чувствовала на спине мою ладонь? – подумал Рим. Только сейчас, когда девушка ушла, когда Рим не мог видеть её реальную, он полнее всего увидел её лицо, фигуру, изобразил манеру поведения в голове. В голове она казалась намного привлекательнее, и грудь у неё поднималась выше.

Подойдя к урне, Рим заглянул в неё и сразу испугался, что кто-то на него смотрит. Баночка из-под йогурта выглядывала из самой глубины нежно-розовым полуоткрытым ротиком. Приподняв голову, Рим закрыл глаза и, выдыхая, представил губы девушки, её язык, облизывающий рот. Она широко улыбнулась, показывая жёлтые с чёрными пятнышками сталактиты зубов, и небо мысли почернело. Собираясь взять баночку из-под йогурта из мусорки, Рим, как сахарная сумчатая летяга, вытянул руки, но затем снова прижал их к телу, и крылья за его спиной пропали.

Когда Рим возвращался домой, из темноты воспоминаний пропало лицо девушки, но жёлтые, трещащие по швам зубы светились в пустоте.

– Неужели я не вижу ничего лучшего, и мне хочется этого? – спрашивал Рим сознание.

– Неужели ты думаешь, что можешь получить даже это? – насмехалось оно в ответ.

Глава вторая

Мистер А

– Да здравствует новый день! – послышался властный голос, а за ним почти шёпот раскрывающихся дверец шкафа.

Воздух моментально заполнился запахом полироли для мебели и крема для обуви. Идеально чистые стенки с семью полочками с одной стороны, шесть из которых занимали туфли, седьмую – выходную – топтали кроссовки, что казалось необычным. Люди не привыкли к тому, что самый загадочный человек в городе снимает костюм и выходит на пробежку: если уж ты скрытен – скрывай от всех свои пристрастия.

В огромной корзине стопочками лежали выходные вещи и носки. Всё перпендикулярно, параллельно и под прямым углом. Идеальный порядок без единого преступного пятнышка.

– Да здравствует новый день! – Мистер А всегда произносил эти слова перед вскрытием своей гардеробной – отдавал дань традиции.

Так говорили и его отец, и дед, эквилибрист и художник соответственно, как только открывали глаза. Ни у того, ни у другого большого шкафа не имелось: только каморка с вещами и заплечный мешок. И если деду столетие назад хватало веры в себя и стойкости произносить эти слова каждое утро, внуку, которому жизнь предоставляла куда больше шансов, пренебрегать ритуалом не следовало.

В семь утра створки стеклянного шкафа Мистера А открываются, и начинается его день. День, наполненный смыслом, радостью и долгом. В соседней комнате играют джазовые музыканты с нестареющих пластинок, под бодрые звуки которых Мистер А, в такт покачиваясь, надевает костюм соответственно дню недели, опрыскивается одеколоном соответственно времени года и отправляется в гараж прогревать машину. Ещё с начала осени в сибирских краях выпадает снег. Сперва быстро тающий, он въедается в почву ледяным клином, мороз забирается под куртку, а руки в карманах носят только в перчатках, но, несмотря на «сковывающие» условия погоды, несмотря на то, как Мистер А следил за опрятностью своей одежды, обуви, рабочего стола, кабинета, утреннее время он всегда уделял семье.

– Как настроение, девчата? По лицам видно, что снилось что-то приятное, да? – спросил он у жены с дочкой, ещё толком не проснувшихся.

Девочка четырёх лет, София, что-то пробормотала и покачала головой, будто в трансе. Более бодрая Анна, расчёсывающая дочку, подставила лоб под поцелуй мужа и погладила его плечо.

– Привет, – отозвалась она. – У нас хорошо, но у Марии ночью поднялась температура, и сегодня её не будет.

– Главное, чтобы кто-то вышел вместо неё, остальное неважно, – предостерёг муж и запустил пальцы в волосы дочери, поднимая ладонь вверх – волосы струились и падали на плечи, как макароны.

Софи вскинула руки и вскрикнула, обнимая голову:

– Моя красивенькая причёска!

– Всё в порядке, – показала Анна зеркало, – ты и так красивенькая.

– К четвергу она уже может встать на ноги, – продолжал Мистер А. А если даже и не встанет, то пара банок твоего абрикосового варенья к ужину приведут её в норму. Сегодня нужно попросить выйти Бориса. Ты ему не звонила?

– Он уже согласился, – закончила делать причёску Анна, бросая на плечи дочки хвост, – они ещё ночью договорились. Я узнавала.

– Хорошо, ему нужно больше практики. А ты умница, – он наклонился, поцеловав её в лоб ещё раз, точно попав в свои очертания губ, и Анна почувствовала, как в холодное осеннее утро тепло пробегает по её спине.

Почтение в семье Мистера А воспринималось как должное, но не умаляло значимости царившего в стенах благополучия. Случайному человеку, попавшему в обиталище Мистера А, проведённое отопление показалось бы камином. Внутренности дома в тёплых тонах обивались подушками, как стены карцера, тонули в мягких диванах, как в трясине, однако эффект имели другой. Любой гость, посетитель, клиент, приходя сюда, просились на повторное посещение, потому Анна решила прекратить приём на дому. И хоть за десятки «домашних» приёмов из вещей ничего не пропало, каждый вошедший пытался поглубже просунуть свой нос в щели закрытых дверей, что Анну всегда настораживало.

– Быть замужем за самым загадочным человеком в городе, – считала она, – небезопасно, равно как и самому быть таким человеком.

Мистер А соглашался с осторожностью жены, но мнение имел своё. С юности он привык отдавать, не требуя взамен. Не требовать, чтобы не захотеть получить это назад.

– Моя семья, – считал Мистер А, – должна быть лучшей, иначе зачем она мне нужна?

– Моя семья, – считал Мистер А, – лучшая, поскольку я уверен в каждой её составляющей.

Работа, учёба, внутрисемейные отношения, забота родственников, дружеская поддержка, веяния прогресса, искажение восприятия – он хотел контролировать всё, до чего доставали его руки, и руки его всегда оставались чистыми.

– Каждый в моей семье, включая меня самого, – считал Мистер А, – прекрасен.

С любовью Мистер А относился и к вещам.

– Чистота, – поучал он, – есть осмысленность и катализатор действия, потворствующие мобильности и успеху.

И Мистера А называли успешным человеком.

В семь тридцать ворота его гаража открываются, и автомобиль с четырьмя колечками на капоте с плавным шершавым звуком выкатывается через подъездной дворик, оставляя слева от себя беседку с небольшим фонтаном, справа – цветочный садик и несколько яблонь, ныне закопанные в снегу, за ворота, на проезжую часть, направляясь в место, где Мистер А занимается очисткой души и гигиеной характера – в центр психологической помощи «Терапия души». Именно это место составляет костяк, главную ценность в его жизни. Здание «Души» – храм веры, облегчение покаявшегося человека. Праведное благородное дело, ждущие очередной встречи люди, комфортная успокаивающая обстановка – такие весомые факторы помогают честным людям оставаться в тонусе.

В семь пятьдесят автомобиль Мистера А паркуется у здания второго корпуса клиники, сотрудничающей с центром, совладелец выбирается наружу, в руке дипломат, и устраивает прогулку по прилежащей территории.

Осенью уже падает снег, обмёрзшие деревья похожи на крючковатые пальцы монстров, но Мистер А всё равно считает день очень хорошим. Верхние пуговицы его лёгкого пальто расстёгнуты, но он не чувствует холода. Мистер А чувствует удовольствие от всего, что происходит вокруг. Ему нравится, как задорно бьёт ветер в лицо, нравится, как снег тает на лице и стекает счастливыми каплями вместо слёз, нравится, как он хрустит под ногами, нравится, как выглядят корпуса клиники, в строительство которой он внёс немалый вклад. Эти утренние прогулки расслабляют и насыщают энергией, они дают время подумать над тем, как пройдёт сегодняшний день. Выйдет ли Катя из отпуска? Принесёт ли Сид новые цветы в глиняных

горшках? Посоветуется ли Кристина с ним насчёт интерьера своего нового кабинета? Что ждёт его сегодня?

Смерть.

Мужчина с полуоторванной головой на асфальте.

Страдания.

На фоне трупа из горящего дома пытается выбраться облепленный пеплом человек.

Безумие.

Хаотичные движения руками полусгоревшего трупа, пока он не упал окончательно.

Крики ужаса.

Обступившие происшествие люди вздрагивают и пятятся, отчего вопли стоящей на коленях матери с дымящейся простынёй на руках становятся громче.

Хлопья снега падают на трупы, моментально испаряясь. Никто не подойдёт и не проверит пульс у упавшего. Ему уже не помочь. Атмосфера угнетения и ужаса распространяется по воздуху с пеплом от горящего дома, и зеваки отходят всё дальше от огромного костра. Из-за угла выезжает пожарная машина, за ней – скорая, сотрудники выскакивают из машин и спешат на помощь. Мистер А останавливается, широко раскрыв глаза, и на секунду словно цепенеет.

– Господи, что люди сейчас смотрят! – восклицает Мистер А и, бубня под нос, уходит. Он может опоздать, если задержится надолго.

– Зубная паста «Уоллмарт» – выбирают девять из десяти специалистов, – первое, что слышит Мистер А при открытии дверей лифта.

Из кабинета бухгалтера вынесена вся мебель, и на месте столов, стоящих в коридоре, красуется стоматологическое кресло. Человек с камерой машет левой рукой девушке, и та отводит уголок губ немного вправо. В коридоре две человека из съёмочной группы что-то обсуждают и пьют кофе. Мистер А хмурится, но проходит мимо пожелтевших от кофе лиц.

Катастрофа, равно как и съёмки внизу, на территории центра происходили не впервые. Около года назад между главами центра психологической поддержки и местным рекламным агентством было заключено соглашение, согласно которому Мистер А и остальные держатели акций позволяли бесплатно производить съёмки на территории центра. Взамен компания «Эфес» так же бесплатно рекламирует работу центра. На время постройки четвёртого отделения центра психологической поддержки, съёмки не доставляли хлопот: по большей части в готовом крыле снимали медицинский ситком, а в подвале – социальное кино про подростков. Но с началом покрасочных работ задыхающаяся молодёжь вернулась в реальность. Однако рекламщики хорошо выполняли свою работу. О центре психологической поддержки «Терапия души» твердили из каждого утюга, а многие зеваки приходили посмотреть на оборотную сторону кино, часто заглядывая на открытые лекции. Внимания центру уделялось предостаточно, рост продаж услуг успокаивал Мистера А, однако возмущение излишней подвижностью капля за каплей наполняли кашу его терпения. На утреннем собрании он собирался обсудить вопрос прекращения сотрудничества с рекламным агентством. Реклама, так ненавистная лучшей половине его души, приносила необходимую прибыль и популярность. Он не мог не соблюдать условия контракта, и это его коробило, отчего он хмурился и быстро шагал.

После прогулки Мистер А обычно выпивает кофе в компании членов персонала – своих друзей и доверенных лиц. Практически всех он вызволил из различных уголков планеты, из разрушающихся отношений, семей и карьер, собрал, обучил и оставил у себя. К примеру, Грега он вытащил из Техаса, где тот учился на психолога и еле справлялся с расходами на университет в Остине. Мистеру А понравилась гибкость подходов Грега, и при условии, что Грег подучит русский, Мистер А обещал оплатить ему перелёт.

– В нашем деле чаще нужно смотреть не только с двух сторон, но и ещё и чужими глазами, глазами иностранца, который не знает деталей, но понимает суть и правдивость действий.

Часто те, кто к нам обращаются, не рассказывают всей правды просто из-за страха, что на них не так посмотрят. Иностранцы, улавливающие правду в складках кожи, будут очень полезны нашей организации, – увещевал друга Мистер А.

Кристину и Сергея он знал с курсов поддержки наркозависимых. Дойдя до шестого шага, Кристина сорвалась, и Мистер А с Сергеем разыскивали её по всему городу, что впоследствии их сблизило. Когда Мистер А пригласил молодожёнов на обучение, они сперва долго отказывались, пока не узнали о психиатрической поддержке для работников.

С Сивиллой Мистер А познакомился у неё дома, куда попал после рок-концерта в Хельсинки, несколько дней жил у неё. Меняя на разбитой её бывшим голове Мистера А повязку, Сивилла влюбилась в него, переехав за ним в Сибирь. Без претензий на отношения Мистер А устроил её на работу. В Сивилле быстро пропал интерес к Мистеру А, но с профессией она угадала. Все, кого Мистер А приглашал к себе на работу, были чем-то обязаны ему и в споре или в конфликте принимали его сторону. В идеальном обществе такие отношения называются командными. В России – кумовством.

Пластиковый стаканчик оставляет след на стойке администратора, и его вытирает жёлтой махровой тряпочкой привлекательная сотрудница, улыбаясь и выгибая, словно кошка, спину.

– Новенькая, – объясняет Грег ахнувшей Сивилле, глядя в спину Мистеру А. – Не знает ещё, что у него только одна любовница – работа.

– Или Анна любовница, – дополняет Сивилла, на что Грег, допив кофе, резко качает головой.

Мистер А поднимается на лифте, входит в конференц-зал, где ему предстоит встретиться с инвесторами и агентами по недвижимости, планирующими строительство четвёртого корпуса клиники. Вопрос этот долгий и затянувшийся: увеличение свободного пространства для новых больных слабо коррелирует с сохранением порядка на территории клиники. Здесь он и решил затронуть тему, которая казалась ему более важной.

– Открытие нового корпуса бессмысленно в отношении оказания помощи обратившимся, – настойчиво поясняет Мистер А. – Для каждого нового больного придётся заимствовать время у старого.

– Мы увеличим количество специалистов, – сухо утверждал слишком молодой паренёк в клетчатом свитере и очках.

– Кем? Ленинским и Сухим? И ими подобными? Я уже говорил, что сам отбираю людей. У других психологов другие подходы к лечению большинства расстройств.

– Искать новые подходы – составляющая нашей работы, – заявил деловой мужчина с розовым галстуком, окидывая взглядом коллег.

– Так вот и ищите другие способы увеличить прибыль, без постройки корпуса, – Мистер А размахивал руками, напоминая разбушевавшегося ребёнка, а не бизнесмена. – Вы хотите простую схему: больше больных – больше прибыли. Но даже если я наберу новых людей и мы расширимся, придётся ужесточать правила порядка. Больше охраны, больше медперсонала. Парк будет кишеть нуждающимися в отдыхе и превратится в “Национальный”. Клиника и центр перестанут быть теми местами, которые посещают, чтобы хорошо провести время, выговориться, получить дельные советы от знающих специалистов. Вы хотите поставить спокойствие на поток. А спокойствие и есть поток, в нём не бывает очередей. Посмотрите, что творится на территории сейчас! Да, мы привлекаем новых клиентов, но со старыми даже из здания теперь нельзя выйти, одни факторы стресса.

– Люди уже занимают очереди, – продолжает очередной деловой мужчина, уже с голубым галстуком, – все хотят здесь лечиться. Давайте ковать железо, пока горячо. Все заинтересованы в увеличении прибыли.

– Когда увеличение прибыли мешает качеству лечения, я выбираю второе, – стучит на последнем слове фразы Мистер А кулаком по столу, и никто отчётливо не слышит, что он выбрал. Несколько секунд в тишине вселяли надежду в одежду.

– Нет ничего плохого в прибыли, – словно детям объяснял Мистер А. – Да, люди в очередях, ну и что? Поток обращающихся нам и так обеспечен. Одни рассказывают вторым, вторые – третьим. Клиентура не иссякает. Доход стабилен. Я вообще хотел сегодня поговорить о том, что пора отказаться о рекламщиков.

«Это абсолютно непродуманное решение», «У нас же контракт», «Я правильно Вас услышал?», «Вы в своём уме?!» – посыпались со всех сторон мнения на Мистера А, как банки с полок в погребе во время землетрясения. Он сразу же замахал руками, заулыбался.

– Ладно-ладно, это спорный вопрос, – уселся Мистер А поудобней. – Давайте обсудим что-нибудь ещё. А когда мы можем расторгнуть договор?

– Почему вы против стационарного отделения в новом корпусе? – вмешался юнец в свитере.

Парнишка лет двадцати – двадцати двух в сером клетчатом свитере очках и прыщах имел жирные прилизанные волосы и ободранные, покусанные, наверняка, кошкой, руки. Синие брюки и кроссовки.

В конференц-зале ненадолго возникла тишина. Галстуки скрипели ладонями по столу, чуть приподняв от недовольства головы. Их подбородки, и так непомерно задранные, поднялись ещё выше, и случайный человек мог бы разглядеть только галстуки, крепко обвязанные на мягких шеях.

– Слушайте, зачем вы его привели? Я же уже тысячу раз рассказывал.

Рука голубого галстука легла свитеру на плечо. Свитер замялся.

– Господи, он сейчас заплачет! – запричитал Мистер А, вставая и подходя к свитеру. Тот отодвинулся на кресле. Мистер А присел на стол рядом с ним. – Объясню для тебя, так уж и быть. Стационар сделает нас похожими на все остальные больницы. А так мы одни с таким способами помощи на рынке услуг. Другие клиники на такие изменения в программе пойти не смогут, даже если захотят. Хотя бы потому что это звучит как бред: люди, страдающие психологическими недугами, приходят в удобное для них время для бесед во время прогулок по парку, ужина или пробежки. Групповая терапия во время игры в настолки, где психолог – твой друг, который даёт медицинские советы. Помощь без лекарств и добавок. Никто не верил в это. Никто и сейчас не верит в это! Но мы существуем! Значит, это не бред, а мечта.

Мистер А поднял руки над головой и встал со стола с явным намерением покинуть конференц-зал.

– Позвольте, Мистер… – вмешался красный галстук, весь разговор не проронивший ни слова.

– Довольно! – Мистер А развернулся и ещё сильнее, чем раньше, и ударил кулаком по столу – стеклянный стол посмотрел на него суровым выражением его лица. – Вы не предлагаете ничего нового, а только давите и давите, ожидая, что я прогнусь. Я уже прогнулся и дал согласие на съёмки. Какой это фильм? Третий, четвёртый? Знаете, грохот электромоторов и рёв бензопил никак не способствует выздоровлению. Я пошёл на уступки, но вы всегда хотите большего! А я хочу просто заниматься своим любимым делом!

Уходя, не поворачиваясь, он добавил:

– И плевать, сколько я буду за это получать.

Запершись в своём кабинете, Мистер А задёрнул жалюзи и достал с полки книгу, которую некогда написал сам. Полуавтобиографичная, она рассказывала о его пути наверх, о его правилах и принципах. «Встань и ползи» рассказывала, пожалуй, только о том, как это вышло у него самого.

Перевернув книгу, Мистер А сел за стол и стал пролистывать страницы. В книге имелось много картинок, на обороте которых Мистер А расписывал красной ручкой новые для себя истины. Помятая, затисканная, книга являлась личной библией для Мистера А, которую он не уставал переписывать. Найдя свободный от записей листок, красивым мелким почерком он отметил:

«Я люблю жизнь. Временами она полнится множеством плохих моментов: драками, ложью, смертью близких, но когда придёт пора с ней расставаться, я, наверное, буду плакать сильнее всех. И уж точно никому не позволю отнять у меня её силой».

Гордый собой, Мистер А поставил книгу назад на полку. Ему очень нравилось двусмысленно выражаться.

Глава третья

Галстуки

– За рубежом ставят импланты в мозг, манипулируют сознанием, разрабатывают искусственный интеллект, а он верит, что люди плачут и им становится легче. Может, это и помогает выбитым из колеи людям, а что делать с теми, у кого диагноз? Фобии, клептомания, сексуальные девиации? ОКР, биполярное расстройство, раздвоение личности? Навязчивые неврозы?

В одном из залов четвёртого корпуса, невзирая на сохнущие от краски стены, проходило совещание между галстуками и одним из главных акционеров «Терапии души». Они расположились за двумя сдвинутыми большими столами, как школьники в столовой, что выглядело особо оскорбительно для человека, зарабатывающего миллион долларов в год. Голубой галстук уже несколько минут жаловался главному акционеру, мужчине лет шестидесяти с золотыми перстнями на скрюченных пальцах.

– Нелепица, – кряхтел в кресле старик. – Ему и тридцати пяти нет, а он уже считает, что умнее других. Шалопай! Я сорок лет в бизнесе! Да я работаю дольше, чем его земля носит. Вот наглец!

– Валерий Иссарионович, что делать-то будем? – спрашивал голубой галстук. – Мы уже всё перепробовали: и денег предлагали, и акции компании по номинальной стоимости, и помощницу ещё одну, и отпуск, – прогибаясь, предлагал голубой галстук.

– Но-о, – остановил его Валерий Иссарионович, – кто смел акции предлагать?

Морщины на его лице так изогнулись, что показались червями, ползающими по подбородку. Мораль гримасы: будь у тебя хоть миллион долларов в год, от червей на подбородке ты не избавишься.

Красный галстук взглянул на голубого, голубой на розового. Розовый, сидящий дальше всех, оказался крайним.

Старик погрозил ему кулаком, и розовый галстук поднялся и опустился по толстой шее, сглатывая слюну.

– Не сметь больше, – пригрозил Валерий Иссарионович, с выражением боли меняя в кресле позу, – у меня на них другие планы. Помощницу! Ну вы придумали. Он же сразу смекнул, что ему казачка засылают.

– Вот мы к вам с разведёнными руками и пришли, Валерий Иссарионович. Он всё гнёт свою линию: ни программу менять не желает, ни планировку здания. И замы все на его стороне, – продолжал голубой.

– Они там все как в секте, – поддакивал розовый. – Мы ему и так и эдак говорили, говорили, что здание под палаты строили, а он зал спортивный хочет и комнаты релаксации.

Старик даже не дослушал розового и обратился к красному, сидящему ближе двух других, отчего розовому стало ещё больше не по себе.

– А ты что предложишь? – спросил старик.

Тот брутально скривил губы и повёл плечом.

– Вы о моих предложениях знаете.

– Нет, с этим повременим, – отстранился, но серьёзно посмотрел на него старик. – Хоть твой вариант мне кажется порой единственным выходом. Мы пока не будем от него отказываться.

Старик положил руку на плечо красного галстука, и тот посмотрел на неё то ли с одобрением, то ли с желанием стряхнуть пыль с пиджака. Валерий Иссарионович перекатил сухой язык во рту.

– А паренёк? – спросил он. – Паренёк ведь ещё не согласился?

Красный галстук отрицательно покачал головой.

– Пока не говорил ему.

– Ну, если скажу, подсобишь.

Красный галстук положительно покачал головой. Старик перекатил язык во рту в другую сторону и потянулся за бутылкой воды в центре стола. Розовый галстук метнулся на помощь: взял бутылку, открутил туго сидящую пробку, закрутил обратно и покатил по столу к старику. Неплотно закрученная пробка оставила на столе несколько капель воды, а когда старик цепкой рукой схватил бутылку, пробка под давлением слетела, и вода залила весь стол. Гневные глаза впились в растерянные зрачки розового галстука.

– Давай, тащи сюда вашего заморыша! – взбесился он. – И тряпку принеси.

Оставшиеся одобрительно посмотрели в сторону начальства, сдерживая кроткую улыбку. Старику передали новую бутылку.

Спустя полчаса метафорическая папка с информацией на Мистера А влетела в свитер, чуть не сбив с него очки.

– То задание, что я тебе дам, – объяснял красный галстук, отчётливо разделяя слова, – может закрепить за тобой место постоянного работника. Не стажёра. Тебе дадут должность младшего руководящего состава, выделят место в зале с остальными сотрудниками, будешь заниматься документацией, договариваться о некоторых поставках. Бумага, краски, какая-то медицинская дрянь. Всё по образцам, ничего сложного. У тебя будет место в штате на полгода раньше, чем планировалось. Понимаешь, как это хорошо?

– Понимаю, – возбуждённо откликнулся свитер. – Что за задание?

У маленького щуплого мальчика в вещах, которые ему выбирала мама, горели щёки – то ли от бега по лестнице, то ли от волнения. Вечером, подняв трубку, он вылетел из-за стола и, на бегу надевая лёгкую куртку, запнулся о костыли матери и забыл зонт. Мокрый, со сдёрнутым в сторону капюшоном, в коричневых клетчатых брюках и грязных кроссовках, он очень внимательно слушал то, что ему говорил высокий широкогрудый мужчина в красном галстуке. Его виски пульсировали уверенностью и менингитом, в ногах бежала наперебой с судорогами кровь. Красному галстуку очень нравилось рвение парня, его рьяное желание помочь.

«Отцы гордятся такими сыновьями, – читалось на его лице, – хотел бы я себе такого».

Однако подобные желания не мешали ему пользоваться парнем, чтобы самому не пачкать руки.

Кончик красного галстука от покачивания на носках поднялся выше, забирая лёгкими воздух.

– Тебе нужно уговорить Мистера А согласиться. Можешь делать что угодно. Злить его, таскаться за ним как собачонка, в окно к нему домой забраться. Не бойся переборщить, мы тебя отмажем. Останется и работа, и учёба. Хватай его за руку. Предлагай что угодно. Кроме акций, окей? – поправился он.

– Но мы уже столько раз пытались.

– И нужно добить. Без этого никак. Кто-то из вас должен выиграть. Либо ты, либо он. Понимаешь меня?

Свитер не ответил. В сердце закралась вина, а глаза под очками сверкнули ненавистью, на секунду закрылись и вновь взглянули на кончик галстука.

– Я постараюсь.

В голове свитера нитью пряжи протянулась мысль о том, что он должен сделать: «Не отставай. Цепляйся. Разбуди в нём зверя».

– Постарайся.

Стряхивая с себя ещё не сошедшую воду, свитер спускался по лестнице к выходу, готовясь околеть в подстерегавшем на улице морозе.

«Не бросай. Заберись к нему в душу. Не упускай его из вида», – тянулась нить.

Маленький хрупкий мальчик уходил в большой мир – точь-в-точь главный герой из аниме про школу, – и в его неровной шаткой походке чувствовалась уверенность.

Глава четвёртая

Рим

«Говорят, на то, как течёт вода и горит огонь, можно смотреть вечно. Не могу согласиться. Когда я наблюдаю текущую из крана воду или неиспользуемую зажжённую газовую конфорку, мне становится неприятно. Хочется выключить, чтобы ограничить потребление.

Хочется спросить: *зачем ты это делаешь? Почему не оставишь его в покое?*

Красота в самобытности, а приручённый её теряет. Именно поэтому мы умиляемся тиграм в клетках, а не боимся их – тигров настоящих, живых мы никогда и не видели. Удивительно, но чёрный экран телевизора показывает животный мир яснее и правдивее, чем можно увидеть в зоопарке своими глазами. Настоящее – на то и редкое и ценное явление, чтобы не попадаться каждому на глаза. И даже если что-то настоящее в жизни встречается, оно бьёт словно кувалдой по голове. Когда в висках появляется сильная боль, резко начинают болеть глаза и пробиваются капилляры, как корни растений, в белках – скорее всего, ты увидел что-то настоящее. Когда на ногах горят колготки – настоящим огнём – ты стягиваешь их с болью, с ужасом. Когда колготки горят на ком-то другом – неровен час, можно и залюбоваться».

Сделав эту запись в дневнике, Рим с удовольствием оторвался от тетради. В воздухе висела пыль, пробиваемая лучом солнца из-за плохо закрытой шторы. На диване за спиной приятно мурчал кот. Мать ещё не вернулась домой.

«Так в детстве и произошло. Мы с мамой никак не могли разжечь печку и попробовали бензином. Когда передо мной пятилетним горело несколько дециметров пола и занавески, я звал на помощь, кричал, паниковал, пока не увидел маму, пытающуюся стянуть с себя горящие колготки. Я успокоился, когда увидел маму рядом с пылающей печкой, обоями и газетами для розжига. Я следил за ней молча, лишь всхлипывая. Может, я стих из-за её крика «Замолчи!», может, затем, чтобы не отвлекать её внимание. Может, я просто залюбовался. Сейчас уже неважно – ясно одно: уже пятнадцать лет каждый день, когда возвращаюсь домой, я беру бутылёк с меновазином и смазываю ноги маме, зарубцованные, покрытые венозной сеткой.

Когда долгое время проводишь на ногах, особенно в туфлях, вены набухают и ноги с болью отекают.

Каждый день я смазываю их, как шарниры в механизме, и делаю массаж. Я выучил всю ножную карту, все углубления, ранки и больные места. Если меня спросят, как добраться по перекрёсткам шрамов, я разработаю для него пошаговый план.

Раньше смазыванием маминых ног занимался отец, пока не изъявил желания массажировать ноги кому-то ещё. Сейчас этим занимался я, часто задаваясь вопросом: почему? Ей самой неудобно или это наказание за неоказание помощи ей в трудную минуту? Я никогда не спрашивал маму об этом. В нашей семье не принято ворошить прошлое».

Потянувшись, кот встал, поскрёб диван когтями и ушёл орать на кухню, чтобы его покормили. Рим с довольным видом открыл холодильник и удивился, что он набит продуктами. Достал корм для жирного пушистого существа, вылил жидкую смесь ему на тарелку, сам перехватил яблоко и вернулся дописывать навеянные солнцем мысли.

«Каждый день мама спрашивает меня об одном и том же. Она выучила все мои ответы, отговорки, препирания и обещания, и придумать новые для меня всегда проблема. Мы похожи на двух полицейских, каждый из которых считает другого «крысой»: копаем друг под друга,

приглядываемся и ждём удобного момента, чтобы напасть. Но, несмотря на это, мы любим друг друга. Печально осознавать, что я знаю не одну пару таких людей.

– Ну как, сынок, нашёл работу? – спрашивает мама, пододвигая подушку под головой.

– Да, сегодня ходил на стажировку, мам, – я опускаю голову ниже, чтобы она не видела мои глаза, и резкий запах меновазина врезается мне в ноздри.

– Хорошо, а то машине резина новая нужна. Неделю уже дырявая стоит. А куда устроился?

В её взгляде уже больше недоверия, чем я заслуживаю, и меня это задевает.

– В магазин, буду продукты по полкам раскладывать, – небрежно бросаю я.

Каждый день мне приходится выходить из дома за час-другой до прихода мамы и возвращаться после неё. Потому она думает, что я хожу искать работу. Нет, я, конечно, хожу за пособием и по разным местам, куда меня точно не возьмут, но делаю это не каждый день.

Вообще-то, я не очень люблю работать. Это не самое приятное занятие на свете. Одно дело – выживая, охотиться на мамонта, сотрудничая с племенем, ориентироваться по звёздам, знать, где и когда собирать съедобные коренья, ягоды, готовить лечебные зелья, строить из веток и камней жилища, дубить шкуры, кочевать с места на место в зависимости от времени года, совсем другое – развозить людей из точки А в точку Б. В одном мире ты каждый день испытываешь сильнейшие притоки агрессии, адреналина, страха, счастья – «крокодилов мозг» работает на полную мощность; в другом тебе нужно уметь пользоваться смартфоном, чтобы проживать свои серые будни. Уметь пользоваться калькулятором. Пользоваться микроволновкой. Пользоваться купонами на скидку в кафе, чтобы не пришлось есть своими ножами и вилками, которые придётся потом мыть. Официант, продавец, таксист – эти профессии даже звучат как оскорбление.

Окончив очередной рабочий день и развернувшись, что ты увидишь? Компьютер? Машину? Кассу? Впустую потраченное время? Если ты не видишь результата своей работы, то для чего она тебе нужна?

Когда работаешь на скотобойне, понимаешь, что сеешь смерть, вдыхаешь аромат только что бившегося сердца.

Когда косишь траву для коров, видишь, как они растут, как отмахивают мух от блестящих чёрных глаз сначала маленькими, а после большими ушами.

Когда сортируешь рыбу по консервным банкам или раскладываешь по полкам товар, наблюдаешь только, как уезжают паллеты с продукцией со склада и прибывает новая рыба, новые товары, которые должны занять свои места.

Процветание сферы услуг убило в человеке тягу к ответственности. К чему напрягаться, если свои заботы можно спихнуть на шофёра, горничную, парикмахера, полицейского, врача, подчинённого или друга? В мире, где у каждого своё узконаправленное предназначение, даже друзья выполняют определённые функции.

Выучись, повзрослей, умри-и-и-и».

Наевшийся кот коснулся ноги Рима, и тот дёрнулся и перепугался. «Ш-ш-ш», – зашипел он на кота, и тот, полуленясь, отбежал на пару метров. Качая усами, он явно выражал недовольство тем, что его не погладили. Рим набрал в лёгкие воздуха и продолжил, перечеркнул предыдущую строчку.

«Выучись, повзрослей, умри – «ешь, пей, молись» нашего времени. Система вузовского обучения направлена на освобождение человека от воздействия слепых сил природы с целью помещения его в клетку социального рабства.

Новый мир обожает мимолётность и зеркала, мельтешащие изображения тебя самого перед носом. Если смотреться в зеркало долго, замечаешь прыщи, сколы, неровности, забитые грязью выбоины, сколы, неотшлифованную поверхность того лица, что покажется чистым вскользь, на бегу. Будто заскочил поглядеться на перекус.

Витрины, прозрачные стены зданий, чёрный блеск смартфона – все они примеряют улучшенные зеркальные отражения тебя самого. Манекены на помостах магазинов отражают на тебе свою одежду, пиццерии усаживают твоё отражение за стол, новый гаджет так непривычно, но приятно оттягивает карман. Посмотри, какие яства на твоём столе, посмотри, как ты шикарно одет, посмотри, в какой квартире ты живёшь! Добро пожаловать в дивный новый мир!

Новый мир приглашает в гости: заходи, присаживайся, снимай обувь, возьми домашние тапочки. Что будешь заказывать? Возьми пробник. Выбирай, я пока принесу закуски. И-и-и… открой, пожалуйста, кошелёк, я посмотрю, сколько у тебя денег.

И еда, и питьё вкусные – ты ведь не знаешь, из чего и как они приготовлены, но, окончив трапезничать, ты останешься на месте. Не сможешь ни встать, ни уйти, потому что тапочки кандалами приковали тебя к полу. Не вздумай заикнуться об уходе, сиди потребляй, иначе стол под твоими локтями с подлокотниками на пиджаке упадёт в бездну. Ты в панике схватишь своё барахло, раскиданное по стремительно удаляющейся скатерти, прижимая его к груди, как подобранного на улице котёнка. Стул тоже исчезнет, а горло обрастёт, словно щетиной, цепью, вытягивающей тебя в струнку к потолку, и сделать ты ничего не сможешь, даже помочь себе освободиться – иначе выронишь барахло.

– Извините, вы что-то хотели? – учтиво улыбнётся менеджер иссушенным в курагу ртом.

– В туалет, – захрипишь ты.

– Конечно-конечно, сейчас попрошу официантку подвести вам катетер. Выберу помоложе, – смеясь, он хлопнет тебя по плечу и удалится, пока у тебя, раскачивающегося на цепи, будет мутнеть в глазах.

Примерно столько мыслей проносится в моей голове, когда мама спрашивает меня о работе.

Вообще-то, я не очень люблю работать, но матери тогда не соврал. Я действительно ходил на собеседование в магазин «Вишня». Главным образом затем, чтобы ещё раз увидеть ту девушку».

В назначенное время Рим прибыл на стажировку и столкнулся с ней, выходившей из-за угла. Она словно ожидала его – не здороваясь, схватила за локоть и потащила за собой. На себя она надела фиолетовую жилетку магазина и кепочку, козырьком назад, скрывающую пучок волос. Точно такую же жилетку она сунула Риму под мышку, и он почувствовал силу в крепких мужских руках девушки.

Рим познакомился с администратором, изучил условия работы и сдался в подчинение одного из кассиров. Кассир выглядел так, будто несколько недель подряд спал на складе между ящиками. Его кожа сливалась с кафельной плиткой у нарезанных сыров.

– Приветдавайрасскажутебекакновенькомувсёвобщихчертахзначитздесь… – Рим настолько скучал, слушая его, что всё пропускал мимо ушей. Он пришёл совершенно за другим. За другой.

Пока кассир мельтешил передо Римом своим дряблым двадцатилетним телом, тот выискивал глазами пышные формы девушки между полок с соком и вафлями и временами кивал. Рим ассоциировал её с яркими упаковками, хоть и не считал, что внутри она окажется простым сахаром. Она должна быть больше, чем просто сахар!

Рим удивился, когда увидел её не у полки с йогуртом – она перебирала товар в морозильнике – и подумал, что её руки пахнут рыбой. Как только кассир отвлёкся на покупателей, Рим проследовал к девушке, перерезая пульсирующую пуповину очереди, и аккуратно положил свою руку на её, держащуюся за холодильник, пока второй она шарила внутри. Удивлённая, она убрала ладонь.

– Ценники пришёл менять, – объяснился он.

– Ага, – недовольно промычала она.

Отведя голову вправо, она поставила на окна глаз решётки, максимально отгородившись от невольного собеседника. Однако Рим продолжил.

– Слушай, я хотел… – сказал он и запнулся, не зная, как лучше выразиться.

– Слушай, я хотел, – обидно передразнила она. – Может, скажешь уже, что ты хотел?

Уверенность куда-то пропала. Всё, что Рим хотел сказать, моментально исчезло из головы, будто он, зверски голодный, внезапно обнаружил, что еда в тарелке закончилась. «Скажи что угодно, – подсказывал разум, – что угодно, только не говори о зубах!»

– Ну? – недовольные полные женщины всегда выглядят угрожающе.

«Не ешь больше тот йогурт – у тебя от него зубы жёлтые». Нет-нет-нет-нет. «Ты не думала поставить скобки?» Нет-нет-нет-нет.

– До скольки ты сегодня работаешь? – выдавил он, закрыв глаза.

Получилось. Она скривилась и окончательно потеряла к собеседнику интерес.

– Мы с тобой сегодня в одно время заканчиваем, если что, – фыркнула она, продолжив перекладывать рыбу. – Но мне не до тебя.

– Я собирался уйти раньше. Что? Грубовато.

Она повернулась к Риму так резко, что тот поднёс руки к лицу, ожидая получить замороженной рыбой. Она устало прикрыла глаза.

– Отвали, ладно? Мне сейчас вообще не до этого. У меня есть проблемы, которые решить могу только я. У меня есть родители, которые нуждаются в моей поддержке. Мои родители небогаты. Вкусно мы кушаем только по праздникам и когда отцу приходят выплаты по инвалидности. У тебя-то с этим проблем нет, – кивнула на мою руку она.

Рим убрал ладонь в карман кофты под фиолетовой жилеткой.

– Он потерял селезёнку, чистую кожу и часть стопы на производстве. Уже четыре года сидит, пытается чем-то заработать. Вяжет чехлы для чайников. Никто так красиво десятью пальцами не свяжет, как он семью.

Рим чуть улыбнулся.

– Только они не нужны никому и почти не продаются.

Рим вновь свёл губы в плотную точку. Следовало разрядить обстановку.

– Мне нужны такие.

– Что? Ты о чём?

– Чехлы на чайники. Я бы мог купить один-другой. Мне нравятся вязаные вещи.

– Какой же ты придурок! Отойди от меня, – оттолкнула она его от себя. – Сделай лучше те полки, пока никто не увидел, что ты ничем не занят. Если меня из-за тебя не возьмут – я тебе врежу.

Вот такой её Рим и запомнил: с поднятой губой и бровью, с омерзением смотревшую на него. Не нежный розовый язык, не вихляния бёдрами, когда смотрел ей вслед, а мерзкое отторгающее лицо. Многие находят красоту даже в женских слезах.

– Я не собираюсь занимать твоё место, если ты об этом, – успокоил, судя по лицу девушки, Рим. – Ты мне понравилась, вот я и пришёл.

Он даже не думал отходить. Но девушка не хотела ни слышать слова, ни интерпретировать действия.

– Тебе разве не нужна работа? – нехотя удивилась девушка, поднимая на Рима глаза.

– У меня есть работа. Даже несколько. Сдаю кровь, семя, макулатуру. Хожу на бесплатные мероприятия, подкормку бездомных. Плюс пособия по безработице, как ты заметила, – Рим волновался, стараясь выпалить всё прежде, чем язык застрянет в горле. – Может быть, сейчас в эксперименте одном поучаствую. Ну, что скажешь?

Она складывала новоприбывшие пачки с замороженной камбалой на дно холодильника и более старую продукцию распределяла сверху. Её руки стали мокрыми и покрылись снегом, но холод на ладонях чувствовал Рим.

– Не амбициозный ты какой-то, – продолжила работать она. – Тебе будто вообще ничего не нужно.

– А что мне, по-твоему, должно быть нужно? – эти слова задели Рима.

– Хорошим человеком быть нужно.

Горькая усмешка появилась на его лице. С ним всегда так происходило, когда он пытался узнать кого-то получше.

– А-а-а, это, типа, животных там защищать? Мусор разделять, батарейки сдавать, да? Одежду в переработку, мясо не есть, на субботниках убираться? – взбесился Рим. – Нужно быть частью чего-то большого и правильного. Нужно быть добрым, хорошим, честным человеком – и, не сомневайся, тебя обязательно нагнут.

– Не согласна, – возразила она.

– Неважно, к чёрту, пошёл я, – развернулся Рим.

– Ага, – одёрнула она, – только жилетку верни. Мне ещё работать здесь.

Рим уходил обиженным и злым. Проигравшим быть всегда неприятно. Так почему он позволил себе проиграть? Почему так легко сдался? Не мог соврать? Не мог притвориться другим человеком? Не мог оправдать ожиданий?

Все бабы твари – всё, о чём ему тогда хотелось думать. Разумом Рим понимал, что неправ. Женщине нужна надёжность, зрелость, тем более такой женщине, как она. Внезапно Рим осознал, что даже не узнал её имени, но не огорчился. Какая разница, если он больше её не увидит.

«Можно было влюбиться, – рассуждал Рим, когда шёл домой. – Наверняка. Или просто захотеть тепла, что куда вероятнее. Наверное, внутри меня сидит маленькое жирное голое существо, похожее на лягушку. Лягушка похотливо облизывается и пускает слюну от вида рекламы с полуобнажёнными девушками и едой. Лягушка дико смеётся в головах весёлых компаний, когда слышит оскорбительные шутки, и стучит своей маленькой болотного цвета лапкой по колену. Порой агрессивное кваканье затмевает разум, и я могу кинуться на кого-то с упрёками, а иногда из глаз привлекательной девушки выглядывает её лягушка, и тогда наши маленькие существа начинают скакать по стенкам черепов как обезумевшие, топча любые попытки здраво мыслить. Это называется любовью – высшей степенью скаканья лягушки в голове».

Маму ответ сына вполне устроил, и она попросила задёрнуть шторы. Она любит ложиться спать сразу после того, как возвращается домой. Вероятно, просыпаясь через час-другой, она забывает о том, как болели её ноги и как прошёл ужасный рабочий день. Возвращаясь домой, она вновь становится человеком с потребностями: потребностью во вкусной еде, в горячей ванне, в музыкальном шоу, отвлекающим её от реальности ежедневного подъёма в шесть двадцать.

Рим практически не видится с матерью, когда она приходит домой. Где-то ему говорили, что когда дети вырастают, так всё и происходит. Когда мама ложится спать, он готовит себе что-нибудь из продуктов, которые она приносит домой, и уходит в свою комнату. В двадцать восемь лет. Завтракает-обедает-ужинает, играет в компьютерные игры и заваливается на кровать. В комнате Рима всегда беспорядок. В голове Рима всегда бардак. В жизни Рима бедлам. Закрывая глаза, Рим пытается заснуть.

Ночь – пора размышлений, шабаша и ведьм. Волшебное время, готовое раздавить тебя своим существом. Многотонным прессом тело прижимают к кровати, и оно мнётся до натяжения матраса, до хруста костей, до лопнувших в глазах капилляров. Машины, что там, цистерны

крови выруливают через узкие закрытые дворы, и сердце пытается всасывать мягкую тестоподобную субстанцию. Лёгкие забывают, как работает поступательное движение; кистями и стопами можно сбить температуру, избавиться от пульсирующей вены на лбу.

– Извините, у вас нет холодного пива?

– Дайте мне это, я подержу его в руках.

Пресс опускается сантиметр за сантиметром, и из матраса выскакивают пружины. Копчиком, локтями, шестью из семи позвонков шеи ты касаешься пола, глаза чуть приоткрыты, не в силах моргать. Ножки кровати отлетают и со звоном пронзают окно. Туман повышенной влажности застилает тот обозримый участок, что остаётся наблюдать ещё пару секунд. Нос вваливается в череп, хрящ, виляя, легонько касается коры мозга. И когда вот-вот должен погаснуть последний свет – огонёк сигары в переполненной ванне глаз, – пресс замирает. Пресс останавливается; в поршень, толкающий его сверху, перестаёт поступать энергия от заглушённого мотора, и вся эта тяжесть продолжает сдавливать тело на четверти вдоха. В таком положении Риму предстоит провести несколько часов до утра.

Приятно познакомиться, меня зовут Рим!

Сил едва хватает на один звонок.

– Здравствуйте, я звоню по поводу исследования нарушений сна. Я заполнил вашу анкету, когда можно прийти на собеседование?

Глава пятая

Мистер А

– И она ещё смотрит на меня таким взглядом. Ждёт, что я отвечу! А музыка орёт, и осёл носится по магазину с забором на шее! – перегнувшись через стол, рассказывал Мистер А. Все засмеялись, кроме Анны, залившейся румянцем. Альберт даже подавился вином и облил рубашку. Тут заулыбалась и Анна. – А я ни черта не понимаю! Тяжёлая музыка не предназначена для размышления, она же к действию побуждает.

Альберт, светловолосый рыжеусый штатный психолог «Души» и по совместительству муж Марии, пытался не разогнать пятно от красного вина по белой рубашке, но получалось плохо.

Мария, женщина требовательная, но всегда на всякий случай добавлявшая «спасибо» или «пожалуйста», смотрела на суженого с более нежным, чем обычно, взглядом без толики презрения. За широким столом, укрытым рядом блюд, рядом с поставленными на пол грязными тарелками сидели наискосок пары: Мария – Альберт, Мистер А – Анна, мужчина с женщиной рядом. Такое расположение гостей непросвещённым непривычно: привычно, когда люди хотят парами жаться друг к дружке, чувствовать опорное плечо. Но в этой кампании присутствующие садились так только по инициативе Альберта, не терпящего пристального ухода за собой как за ребёнком. Уже больше года соблюдался этот обычай после случая, когда вспыльчивый мужчина резко вскочил со стула, зазвенев падающими со стола приборами оттого, что жена положила ему в тарелку салат. Опомнившись, Альберт сделал вид, что пошёл за тарелкой с хлебом, стоящей на кухне, заменил приборы и вернулся к трапезе, но от натренированных психологических глаз сей инцидент укрыться не мог. Мария, женщина вдохновляющая, но равнодушная, провела воспитательную работу с мужем на тему недопустимого поведения, но Альберт вступил с ней в горячий спор, в процессе которого жена познакомила со стеной восемь разноцветных плоских тарелок, а муж поставил летящей микроволновкой после предложения жены жирную точку. Ещё раз всё обговорив, молодожёны пообещали друг другу больше никогда не ссориться, а разбитую микроволновку и осколки разместили как памятник в гараже. С тех пор пары садились наискосок.

Ужин семьями, как считал Мистер А, единственный плюс четверга и его приятное завершение. Друзья, которых Мистер А знал не первый год, всегда радовались, принимая у себя гостей. Дважды в месяц – взрослые занятые люди прекрасно понимают причины развлечений по расписанию – проходили званые ужины в гостях у Марии и Альберта, самых близких для Мистера А и Анны людей центра. Уже около двух лет пары встречались в кафе, боулинге, сауне или ещё где-то, но никогда в доме Мистера А. Появление там часто сопровождалось неудобствами: у ворот появлялись журналисты, дожидающиеся окончания ужина, чтобы выманить побольше правды у развязанных языков.

«Кто такой Мистер А?»
«Назовите его настоящее имя».
«Откуда у него поместье, дача и несколько машин класса люкс?»
«Можно ли взглянуть на доходы компании?»
«Чем занимаются в «Терапии души»?»

– Журналисты не любят, когда с ними не бывают откровенны, – заявляли они Мистеру А. – «Терапия души» – популярная организация в городе, чуть ли не единственное интересное место. О «Душе» всё равно будут писать, хотите вы того или нет.

Одни издания помещали центр в чёрный список, другие – в первые ряды. Это обстоятельство говорило о ещё одном плюсе рекламного агентства, которое Мистер А вынуждал себя терпеть.

– Тайны должны оставаться тайнами, – объяснялся он насчёт своего псевдонима.

Почему же в действительности Мистер А не открывал своей истинной сущности? Тяжёлое прошлое? Нежелательные родственники? Проблемы с законом? Однажды один из главных его поборников, журналист Роман Галл, выпустил огромный детальный анализ работы, жизни и образа Мистера А, заявляя, что пока некто – Никто, у него есть имя, и это имя стоит денег. На статью Мистер А дал комментарий: «Довольно убедительно».

Команда создания центра психологической поддержки «Падший грех» приятно проводила время в столовой, пока дети, по дочке с каждой стороны – Зои, недавно усыновлённая Альбертом и Марией восьмилетняя девочка, и Софи, – играли наверху. Анна, Мария, Альберт и Мистер А болтали о вечной молодости, воспоминаниях и красоте, иначе говоря, обо всём том, что постепенно уходило из жизни каждого человека. Мария, провалявшись пару дней в кровати, почувствовала себя лучше, как и любая взрослая деловая женщина, и в четверг вышла на работу, а вечером устроила пир. Анна, как обычно, обходилась соком: она не особо любила вкус алкоголя, и поэтому, возвращаясь домой, могла сесть за руль. В вечера четверга все забывали о проблемах пациентов и старались просто веселиться.

В кармане Мистера А завибрировал телефон, который он, даже не взглянув, отключил. Горел ли его дом, требовался ли срочный совет секретарше, звонил ли это инвестор, сорящий деньгами, – Мистера А это не волновало. Эффективность в общении с людьми он ценил выше телефонных звонков.

– Занимайтесь всегда чем-то одним, – часто повторял он на лекциях. – И мыслями, и телом будьте либо с семьёй, либо на работе, либо в постели с любимым человеком. Мужчины поймут: нельзя принимать вызов от жены, если сидишь в баре с друзьями.

Этим и прочими принципами Мистер А пытался пользоваться в жизни, обычно весьма успешно. Но человек в доспехах всё же человек, а не скала, и часто он не может контролировать свои мысли, которыми Мистер А внезапно унёсся куда-то вдаль, на оборотную сторону спектра внимания, оставив друзьям лишь своё жующее тело.

– Мари, просто превосходный салат! Даже на больную голову ты приготовила здоровую пищу, да простят мне нелепый каламбур. Как ваша дочка? – сменил тему Мистер А.

И погрузился в себя.

Пока Анна развивала разговор, Мистер А, чуть наклоняясь над столом, смотрел на себя со стороны. Вино в бокале и хлеб перед ним на тарелке символизировали первичные человеческие потребности, и Мистер А чувствовал, что в его жизни мало вина. Глядя на отражение в бокале, он видел стареющий, запахнутый в пальто с воротником знак вопроса, скрюченный за столом, и всё дальше отъезжал объективом камеры от грязных тарелок, дома, улицы, города. Чем дальше он отъезжал, тем чернее становилась ночь, а окон сверкающих домов становилось всё меньше, и в итоге он оказался в пустоте, чистой и необъятной. Пустая ячейка в голове. Ситуация без действующих лиц. Ненаписанная история. Необставленная обстановка. Способность, неподвластная женскому мозгу, – не думать ни о чём: глядя в стену, уходя в пустоту. Женщина же всегда уходит к кому-то.

Может, то был стоп-кадр или вырезанная фотокарточка отрезка времени, одна из многих в фолиантах памяти, которые через много лет он отряхнёт от пыли, и на погнувшихся выцвет-

ших краях покажется сединная мудрость печального осознания того, что казалось правильным давным-давно. А может, ему просто наскучил разговор присутствующих.

Четверо друзей работали и отдыхали совместно уже несколько лет, потому темы для бесед часто повторялись. Альберт, присоединившийся последним, часто задавал тон беседе. Сминая скатерть водружённым на стол локтем, он потирал усы, будто снимал пенку с молока, и рассказывал какой-нибудь ужасный случай из своего прошлого пожарного.

– Дверь мы ломать не стали – полезли через окно, – делился тридцатилетний Альберт, кряхтя, как старик. – Я по лестнице ползу, с квартиры дым – маску надел сразу, воздух подал – и внутрь. А не видно ни черта, я сразу дверь нашим открыл. Дым выгнали – и картина такая: диван старый, пропитанный кошачьей мочой, хм, да, не к столу сказано… тлеет, в коридоре баба лежит гниёт, и весь дом кошаками усыпан. Как потом соседи рассказали, баба эта ненормальная, муж помер, котов штук двадцать в доме держала, всю зарплату на них тратила, все ругались. Короче, спать она легла, бычок в диване задымился и тлел, пока кошаки бегали – воздух искали. Она проснулась потом в тумане, пошла дверь открывать и не дошла – три шага до двери было. Э-э-э, котов там было! Охапками в мешок засовывали. Во дура!

Такие истории слушали только с удивлёнными глазами, активно жующим ртом и периодическими возгласами «Ох!»

– А вот ещё история, – продолжал, подбоченившись, Альберт, довольный тем, как много ему уделяют внимания. – Мужик столько мусора в дома скопил, что…

Женщины заинтересовались, но не Мистер А. Он лишь делал вид, что слушает, делал вид, что жуёт, что его интересует монолог друга.

«Парадоксально, – думал он. – Но перед тем как слушать советы, нужно всё решить самому».

Восемь лет назад Мистер А ещё не был таким известным медийным незнакомцем, но уже подумывал вернуться в жизнь под другим именем. Стремление покинуть прошлое, уйти от грязной юности идеальным кусочком плавленого сыра наслаивалось на желание жить. Светлое будущее во все стороны протягивало лучики фотоэлементов. Мистер А понимал, что нужно срочно выбираться из болота, в котором он жил, причём дёрнуть придётся с силой, чтобы самого себя вытянуть за руку. В грязи остаются только старые ботинки. Гнусная болотная мошка нацелила свой путь на звёзды.

Посетитель притонов и сходок алкоголиков, он вдруг почувствовал боль внутри. Но заболела не печень. Человек стремится к совершенству, а Мистеру А, ещё очень редко использовавшему это имя, предстояло сперва стать человеком. С болью, с мясом, как зазубренный рыболовный крючок из пальца, он вырвался из своего окружения и устроился разнорабочим в одну благотворительную организацию. Чувствуя, как работа делает из обезьяны человека, а тяжёлая работа – сверхмутанта, Мистер А сразу отверг самые высокооплачиваемые варианты в пользу здоровья. Поэтому он занимался лёгким, нужным, но изнурительным и монотонным трудом. Он кормил бездомных, разбирал и перевозил палатки, отмывал посуду, раздавал листовки и подметал улицы. Сначала отказ от преследующих его старых привычек, слабостей, друзей давался ему тяжело, но со временем друзья превращались в приятелей, те, в свою очередь, становились знакомыми, которых сперва хочется видеть, а потом – нет.

В какой-то момент Мистер А обнаружил, что в благотворительности не столько благородства, сколько эгоизма. Продукты выглядели будто объедки, посуда ломалась в руках от большей, чем норма, порции – контроль расходов на стадии производства, – но люди искренне благодарили работников. Время от времени. А получать благодарность всегда приятно.

Там же Мистер А познакомился с будущей женой Анной и с Марией. Устроившись в благотворительную организацию, девушки ждали приключений и благородства, но работа оказалась иной, нежели казалась со стороны. И как любые женщины, не нашедшие того, чего желали в реальном мире, они нашли это в мужчине. В Мистере А. Уже будучи в браке, Анна не раз

вспоминала, как нравились ей те ночные прогулки втроём после трудного рабочего дня, когда усталости не остаётся оттого, что разговариваешь обо всём на свете, будто превращаешься в ребёнка, который познаёт мир. А по приезде домой выключаешься, как только голова касается подушки. Она называла те времена волшебными.

Но, несмотря на романтичность тех времён, тройка ненадолго в них задержалась. Во время проведения рейда по выявлению нарушений правил ухода за неимущими, проходящего в другой области, Мария подала просьбу о проведении внеплановой проверки. Когда проверяющие посетили благотворительную организацию, серьёзных нарушений оказалось предостаточно. К примеру, слишком большие производственные издержки оставались в просторных карманах начальства, поэтому на месте закрывшейся компании появилась идея основать новую. Мария, по сути, расчистила место для постройки, и ей предложили место секретаря. Мистеру А, работавшему одно время с суицидниками, предложили пройти восьмимесячные курсы психолога. По просьбе Марии предложили и Анне.

С помощью сдерживаемого упорства, бережливости и спокойствия тройка смогла отучиться на психологических курсах и начать успешно работать в новой благотворительной организации, продвигаясь по карьерной лестнице. Но Мистера А интересовал рост больше других.

– Когда успешно меняешься в лучшую сторону, остановиться уже сложно, – говорил он.

Как только организация получила инвестирование, начав строительство нового здания, Мистер А, нещадно отдавая то малое, что нажил, скупал права на владение компанией. Он продал машину, аудиосистему, ноутбук, старые вещи, ел дважды в день, но продолжал скупать акции, как только приходила заработная плата.

Через два года он владел уже пятнадцатью процентами и однажды зашёл с папкой в кабинет директора. Мистер А предложил вынести все койки, расформировав стационар. Предложил заниматься только психологической поддержкой, не выписывая рецептов. Терапия в разговорной форме, встречи с пациентами вне помещения клиники, лечение депрессии личными встречами в неформальной обстановке. По сути, он предложил персоналу стать для каждого больного другом-психологом, с которым можно сходить в кино, в парк или в музей.

После предоставления полного плана программы и нескольких месяцев ярких споров Мистеру А поручили переквалифицировать персонал в соответствии с утверждённым планом. Правительству идея, выдвинутая на конкурс инноваций, понравилась, и организация получила грант. С тех пор Мистер А часто присутствовал в кабинете директора.

Отзывы о клинике улучшились, желающих облегчить психологические проблемы становилось всё больше. На деньги гранта открыли новое отделение и закупили мебель, цветы и инвентарь в оформленный спортзал.

То были золотые времена для Мистера А. Он обучал сотрудников, обклеивал помещение спортзала после работы и писал книгу, ставшую финальным аккордом успеха, – «Встань и ползи». Стандартная книга-мотиватор об идее, перевернувшей его жизнь, но книга ещё сильнее сплотила Мистера А, Анну и Марию, помогавших ему с редактурой. Книга, словно ориентир, вела его за собой, заставляя вспоминать, откуда он пришёл и чем занимался. И как приятно самосовершенствоваться. Он ковал железо, пока оно было горячим, пока в городе говорили о перевороте в области психологической помощи.

Как только Мистер А получил первую прибыль с книги, он сделал Анне предложение. Уже человек, живший в пустой съёмной комнате, горящий мечтой, рвущийся с необыкновенной энергией вперёд, нашёл много плюсов в том, чтобы переехать в квартиру побольше. Анна всегда находила ему место у себя, однако не торопилась с предложением съехаться: в её системе ценностей жена должна переезжать к мужу. И всё же она любила его. И потому сказала «да».

Любимая женщина, отличная работа, в которой ныне он уже был на тридцать пять процентов боссом, приятный, дружный коллектив – Мистер А мог бы вспоминать о лучших годах

своей жизни, но в голове его висела пустота, растущая из-за отсутствия перемен. Он понимал, что лучше ему уже не стать.

Легко самосовершенствоваться, когда твоя одежда в грязи, когда ты живёшь на улице и допиваешь слюни из пивных бутылок. Легко меняться в лучшую сторону, когда у тебя есть лишний вес или вредные привычки. Но работать над вниманием, учиться концентрации, учиться слушать и любить людей, с которыми приходится иметь дело, куда сложнее. Тут всё не так очевидно и стоит больших нервов. Порой, чтобы их успокоить, приходится тянуться к бутылке.

Непьющая Анна везла мужа домой, а он всё так же висел в пустоте, не разговаривая, не размышляя, не засыпая. Ему просто хотелось повисеть в своей голове ещё чуть-чуть.

Глава шестая

Анна

Анна везла мужа с дочерью по пустынным ночным улицам, подсвеченных фонарями. Фары освещали дорогу, мокрую из-за дождя, а по крыше неприятно стучал град. Анне совсем не нравилась такая погода: день снег, день дождь. Уже к утру лужи могли с лёгкостью застыть. В зеркало заднего вида она видела, как София, положив голову отцу на колени, спала и как муж скользил взглядом сквозь затемнённое стекло, машинально поглаживая дочь рукой по волосам. Именно мужа, не дочь, Анна представила маленьким мальчиком, заснувшим за просмотром фильма, которого переносят в кроватку на руках. Именно о нём она подумала, как о скучающем на уроке школьнике, глядящем в окно. Несмотря на несколько лет брака, она всё ещё любила его, что бывает нечасто.

Анна ещё видела в муже немногословного интересного мужчину, за которого вышла. Она чувствовала, как он терял страсть, становился всё более холодным, более мрачным и скучным.

– Помнишь, каким он был раньше? – жаловалась Анна Марии. – Озорной, ненасытный, такой яркий. Не помню, чтобы сейчас он бывал таким. Он мил со мной, но совсем не так, как раньше. Как будто морщины выдавливают из него всю радость жизни. Знаешь что? Иногда мне кажется, что познакомься мы сейчас, он бы выбрал тебя.

Мария многозначительно скривила губы и соскребла засохшее пятнышко кетчупа на столе в кафе.

– Всё может быть.

Анну такой ответ не успокаивал. Она хотела продолжать любить мужа взаимно.

Между ними ещё было что-то, но, безусловно, что-то было между ними. Словно два мешка картошки, они тучно, грузно молчали, шурша полипропиленом.

Анна тоже размышляла. О том, что ей делать с Фёдором, который снова избил свою жену, о том, кому отдать собаку соседки Лии на время её поездки во Францию, о том, что дома ляжет в тёплую кровать. Но в первую очередь она всегда думала о муже. О дочери. Анна относилась к тому виду женщин, которые умели любить. Чувственная, внимательная, тактичная, она никогда не оставалась холодной к чужим проблемам, умела распознавать полутона и виды любви, а также отмечала, когда от неё хотели что-либо скрыть. Ей нравилась философия мужа, его загадочность, стремление скрыть свою сущность, которую лишь они двое считали за игру.

– У любого хорошего мужчины должны быть свои секреты, – любила повторять репортёрам Анна на вопросы о её муже, – а у идеального просто обязана быть тайна.

Тайна на двоих, которую у них получается сохранять. Тайна же в ответ сохраняла их любовь. Любовь, забота о близких, толерантность, сила – Анна особо ценила в муже те качества, которыми обладала сама.

– Наши ссоры никогда не оканчивались драками, а драки – убийствами, – также любила повторять Анна. – Это всё, что я могу сказать Вам о нашей семье.

И если корреспондент улыбался, Анна улыбалась тоже.

Муж отдалялся от Анны, и она списывала холод на кризис среднего возраста. Когда мужчина на высокой скорости достигает больших успехов, ему нужно обернуться, чтобы рассмотреть следы от шин. В таких случаях жена не должна оставлять мужа вне себя и себя вне его. Оттого что он уделял ей меньше внимания, чем раньше, она явственнее видела морщины на своём лице, потому прибегала к хитростям.

Анна знала, что отвезёт мужа домой, успокоит нервы, сделает массаж ног, головы, которую положит себе на колени, и лишь завтра займётся своим самочувствием. Завтра она выберется на пляж, где ветер будет шептать ей на ушко, и пробудет несколько часов в прекрасной обстановке – в одиночестве.

Где-то далеко, в туманной реальности, словно по предварительному заказу, жужжат стрекозы и порхают бабочки перед прислонившейся к решётчатому забору Анной. Откуда-то издалека до неё доносится тихая, яркая музыка, ближе – крики детей, играющих во что-то увлекательное, ближе – шум волн, ближе – умиротворение и спокойствие.

Всем нужен отдых.

Одиночество.

Покой.

Тёплое солнце согревает лицо, тёплые квадратики забора – спину. Словно кошка, Анна греется на солнце и вспоминает самые прекрасные, самые привлекательные моменты своей молодости. Она вспоминает, как дарила шутливые подарки подругам на дни рождения: тёплые носки летом, пачку пельменей, пучок укропа и щавеля, перевязанный красной ленточкой. Вспоминает, как посоветовала купить книгу, впоследствии ставшую любимой, как смотрела с отцом и братом комедии восьмидесятых и девяностых. Как любила мужа. Она добродушно, мило улыбается, глядя внутрь себя.

Задёрнутые шторы, горячий чай с пряниками и сушками, надетыми на пальцы, шершавый ковёр, греющий живот кот, добрые, родные люди. Отец постоянно машет ступнями и чешется. Эмоциональный брат плачет, если концовка трогательная, а она отворачивается, чтобы не смущать его.

«Сейчас их нет рядом, – думает Анна, – но в сердце теплится надежда, что все события повторятся. Я так давно не виделась с семьёй, так давно не чувствовала НАСТОЯЩЕГО тепла в своей, что прихожу погреться сюда, к решётчатому забору на пристани. Здесь так волшебно! Здесь я могу остаться наедине со своими сокровищами, жадно перебирать воспоминания, мысли, пересыпать в руках золотые монеты былого счастья, пропуская сквозь пальцы жизненную нить!»

Будучи молодой, Анна хотела дарить себя людям, путешествовать, создать крепкую семью и греться у семейного камина. Почти всё ей удалось, но камин еле горел и часто тух от дыхания столь огромного числа обогреваемых, от пациентов, приятелей, коллег и друзей, а искренней доброты или жара или даже разогревающих напитков ни у жены для мужа, ни у мужа для жены не хватало, и только решётчатый забор хорошо нагревался под солнцем.

Анна знала, что после времени, проведённого наедине с собой у моря, она приедет домой и сварит мужу суп, приготовит вкусный ужин. Будет с любовью смотреть, как он деликатно ест при ней, хотя он деликатно ест и без неё, улыбаться и, обхватывая локти, вспоминать прогретые металлические квадратики на спине. Благодаря им она будет тепла и нежна.

И все будут довольны. Только сейчас ей нужно отвести мужа и дочку домой. Алюминиевая проволока – отличный материал для скрепления семейных уз.

Но разве Анна могла предположить, что её семейное счастье, которое она держала в руках, которое ждало её дома, которое спало на заднем сидении автомобиля, может вдребезги разбиться о стену непоколебимой решимости выскочившего навстречу машине хлипкого тела, страдающего близорукостью.

– Какого ***** ***?! – заорала Анна, выскочив из машины, чуть ли не хватая пешехода за грудки. – Ой, вы не ушиблись?

– Нет, всё в порядке, спасибо, – поторопился нормализовать ситуацию свитер.

– Тогда позвольте спросить: какого ****** в рот *** Вы выскакиваете перед машиной?! В такой темноте ***** не видно!

– Мне нужно поговорить с Мистером А. Простите, а как Вы его называете?

У Анны сам по себе открылся рот – реакция на неслыханную дерзость. В шикарном облегающем красном платье под светом воротного фонаря и дождём она зашлась смехом. Согнувшись к асфальту, она напоминала закопанную в землю раскрашенную шину. Очкарик в свитере потянул руку, чтобы коснуться её плеча, но Анна резко выпрямилась и выбросила кулак в центр лица свитера. Мистер А выскочил из машины.

Несмотря на хлынувшую из носа кровь, свитер сперва принялся протирать от красных капель очки. Впрыснутый в мозг и на кофту адреналин резко повысил температуру тела, от стремительного перепада которой свитер задрожал и стал походить на обиженного мальчика. Анна прыгала по асфальту, сжимала и трясла руку, рассыпаясь в проклятиях.

– Дорогая, ты в порядке? – взволновался Мистер А, обнимая жену и рассматривая её руку.

– Мои пальцы, – выла Анна, – мои бедные пальцы! Не дай бог, я сломала ногти, урод!

– Ладно, я с ним разберусь, – успокоил её муж. – Садись в машину. Погоди. Пошевели рукой. Машину завести сможешь? Отлично. Я открою ворота. Он журналист, да?

– Урод, – насупила она губы и положила больную руку мужу на щёку, чтобы тот не мог её отбросить. – Не ругайся!

– Да как на тебя ругаться! – улыбнулся муж только правой стороной лица. – Ты, когда злая, ещё милее. Ну, давай, заводи.

Мистер А открыл ворота, впустил машину, глядя на прижавшую к стеклу нос-пятачок дочь Софи, закрыл одну створку и только потом подошёл к свитеру.

– Вы уж извините мою жену, – улыбался он в обе стороны, – Вы её очень напугали. Что Вы хотели? Интервью? Подожди-ка, я Вас знаю.

– Я пришёл по поводу открытия стационара, – затараторил свитер, чувствуя превосходство в виде текущей по горлу крови. – Новое отделение, своё здание, повышенные выплаты всему персоналу – что угодно. Послушайте…

– Ах, вот откуда я тебя помню, – скривился Мистер А. – И ради этого ты меня караулил? Мог бы позвонить, услышать отказ и не тратить времени. Хотя… Подожди-ка!

На лице Мистера А засияла догадка «меня провели», и он вновь улыбнулся уголком рта.

– О-о, а ты молодец, – похвалил он свитер. – Получается, я тебе должен. Хорошо, давай поговорим, но не сейчас. На улице дождь и вообще ночь. Я пьян. Завтра. Во время обеда. Поднимись в приёмную в половину… м-м-м… второго, и я к тебе выйду, куда-нибудь сходим. Только подготовься как следует, ок? Я, если что, не намерен уступать. Окей?

– Да, конечно, – заторопился очкарик, протягивая руку.

Мистер А взглянул на ладонь и отошёл за створку ворот.

– У тебя рука в крови, – и, развернувшись, ушёл.

– Извините, – смутился очкарик, глядя ему вслед.

Промокший, избитый, оскорблённый и униженный, он шагал к автобусной остановке и улыбался. Тоже одной стороной.

Глава седьмая

Альберт, Мария и Зои

– Как же ты красива в этом приглушённом свете! – восхищался Альберт, раздевая жену глазами. Чёрное облегающее платье выше колен, туфли на высоком каблуке, сверкающие заколки в причёске – её приятно даже описывать, не то что разглядывать. Не то что любить.

Игриво покачиваясь, Мария столкнула свой бокал с бокалом мужа и с праздничной радостью допила вино. Мария положила палец на пятно на рубашке Альберта и с цоканьем покачала головой. Альберт вытащил из вазы с цветами астру, обломал ей стебель и вставил жене в волосы. Несмотря на величину цветка, он гармонично подошёл к её волосам. Несмотря на неповоротливую мужеподобность, жест Альберта получился органичным и милым. В глазах жены бутылкой алкоголя сверкнула страсть. Как минимум дважды в месяц, по четвергам, супруги особенно любили друг друга.

Он поцеловал её, и она улыбнулась широкой белоснежной улыбкой. Мария взяла его за руку и повела за собой в спальню. Алкоголь и общение в хорошей компании всегда добавляет человеку немного озорства.

Вслед за уходящими в дождь гостями из атмосферы дружеской откровенности выветривалась дружба, и обстановка в доме медленно приобретала свой обычный запах. Альберт и Мария убрали со стола, намочили жирную посуду и губы в поцелуе, вытирая друг о друга влажные ладони. Вода притягивает воду. Метод инжекции.

Когда Альберт бросил Марию на кровать, она на секунду представила себя двенадцатилетней маленькой девочкой, скачущей на бабушкиной перине, хоть и метила в возраст двадцатилетней отвязной рок-н-рольщицы. На самом деле Мария представала взрослой двадцатидевятилетней женщиной с почками, не одобряющими падения на кровать с полуметровой высоты. Уголки её приоткрытого рта успели чуть дрогнуть от звука, изданного кроватью, прежде чем Мария провалилась во мрак.

Восьмилетняя Зои уже сорок минут как спала.

Они долго обнимались, а потом Мария взяла с тумбочки пачку сигарет. Альберт, почуявший высшее наслаждение, скривился. Он не терпел сигаретного дыма, особенно в постели, но не стал возникать: аромат прекрасного вечера ещё висел в воздухе.

– Только не открывай окно, иначе продует, – предупредил Альберт, опасаясь за атмосферу, в которой видел жену нимфой. – Потом проветрим.

– Ты сегодня такой заботливый, – поблагодарила, затягиваясь, Мария.

– Как и всегда, – напомнил муж, наблюдая, как увядает красота жены.

Мария поцеловала Альберта в рыжие усы, и тот почувствовал пепел на своих губах.

– Пойду проведаю Зои – и в душ. Не скучай, – сообщил он, вставая, и лицо жены приобрело стандартный мрачный оттенок.

Докурив первую сигарету, она подожгла вторую, сразу же брезгливо затушив, и пододвинула к себе ноутбук. Намерение отправить приложения к данным отчёта налоговой своей подчинённой пересиливало желание откинуться на подушку. Раз уж выдалась свободная минутка, почему бы не заняться делом?

Лунный свет падал на лицо Марии, и в нём она казалась особенно красивой. Сказочно красивой. Но лунный свет не всегда пробивал сигаретный дым.

Мария знала о своей красоте и порой задавалась вопросом: почему Мистер А не выбрал её тогда? Ровное округлое лицо, сверкающие голубые глаза, изящный носик и аккуратный маленький рот. Фигура модели. Никто не мог назвать Марию стандартной, в ней имелась «изюминка»: ямочки на щеках и невероятно мягкие бронзового цвета волосы до середины спины. Мария любила мужа, но чисто женский интерес подталкивал её к этому вопросу. Почему?

Мария знала о своей красоте и ужасно гордилась ей. В детстве, пока она ещё этого не осознала, её мать говорила: «У тебя прекрасная внешность, золотце, но пока ты сама себя не полюбишь, ни один мужчина на тебя не взглянет». Взрослея, девочка начала понимать, насколько важно для неё мужское внимание.

Потому она очень полюбила себя.

Мария считала себя трудолюбивой женщиной. Чтобы не оказаться узником красоты, как её мать, практически всю жизнь проводившая в стенах дома, она не хотела дарить себя гостям. Отбросив подростковые мечты стать моделью, она принялась заниматься другим со свойственной ей долей уверенности. Мария не желала, чтобы её везде пропускали за «красивые глазки», и, как деловая женщина, всегда шла вперёд, желательно, по головам. Мать, суровая одинокая женщина, не позволяла ей помогать нести пакеты из магазина до дома, а как дочь подросла – не помогала нести ей.

От мойщицы посуды до старшего администратора и аналитика центра. От первого до последнего шага она сама, без чьей-либо помощи, прошла эту лестницу.

Но это не означало, что она уже оказалась наверху. Не означало, что она устала. Это означало лишь то, что она натренировала мышцы ног и может идти быстрее.

Мария не считала себя счастливой женщиной.

– Счастье, любовь с первого взгляда, свобода – мечты идеалистов, не больше, – говорила она. – У нормальных людей есть хорошо спланированная приличная жизнь и внимание человека, которому на тебя не всё равно.

– Что толку мечтать о том, чего нет? – десять лет назад говорила ей мать. – Напредставляешь себе, потом разочаруешься. Мы с тобой в реальном мире живём. Пользоваться надо тем, что находится у тебя под рукой.

– Я знала одну парочку, – продолжала Мария рассуждения матери спустя годы, – которые познакомились в Интернете и четыре года писали друг другу письма. Так и не встретились ни разу, всё время что-то мешало. Потом девчонка умерла – у неё какие-то проблемы со здоровьем были, – а парень спился и повесился. Знаю, что нельзя так говорить, но они придурки. Могли бы найти себе кого поближе и жили бы не тужили счастливо. Ну, хорошо.

Альберта, спокойного и надёжного мужчину, она нашла по тому же принципу. Бывший госслужащий, крепкий ответственный мужчина идеально дополнял целеустремлённую, интеллигентную женщину, хоть у них часто не совпадали интересы и мнения, к примеру, насчёт усыновления детей.

Через приоткрытую дверь комнаты Альберт видел, как спит его усыновлённая дочь. Крепко обняв игрушку, собаку с висячими ушами и заросшими глазами, Зои казалась беззащитной и напуганной, но веки её не дрожали, и лицо казалось умиротворённым. Прошло уже полмесяца, а она так и не привыкла к взявшей её семье, чуралась и папы, и мамы. Называла их по именам. Это беспокоило Альберта. Он считал себя хорошим мужем, и, соответственно, хотел стать хорошим отцом.

Зои, бледная кареглазая восьмилетняя девочка, до сих пор носила вещи, выданные ей в детском доме, играла со своими игрушками, неохотно принимая новые. Зажатая и скрытная девочка, в которой Альберт души не чаял.

Альберт мечтал об отцовстве. Его семья состояла из прекрасной мамы и прекрасного папы. Семья без ссор и дешёвых истерик. Но собственные попытки Альберта построить счастье не увенчались успехом. Однажды он женился. В юности, работая пожарным, он познакомился с внучкой старушки, которую спускал с пятого этажа до скорой. Такая процедура называется «помощь населению», и робкая восемнадцатилетняя девчонка помогла Альберту, войдя в его жизнь. Застенчивая, хрупкая, она обнимала руками его голову, наполненную огнём. Она успокаивала его после смены, выступала персональным психологом его души.

В голове Альберта навеки остался кадр поездки в метро. В переполненном вагоне она уступила ему, возвращающему с суток, место, склоняясь над его огромной фигурой. Прижавшись красной испачканной головой к её груди, он плакал, жуя, как корова, её белую блузку. Два часа назад на его руках задохнулся ребёнок в задымлённом детском саду. Ситуация выглядела настолько трогательной, что даже окружающие их люди в вагоне не строили презрительных гримас. Спустя две недели после сцены в метро они расстались. Навсегда. Его первая жена погибла в автокатастрофе, а ещё через месяц Альберт ушёл из пожарной охраны. Но он по-прежнему обожал детей, хотел своих, хоть его и мучил страх взять в руки то, что абсолютно беззащитно. Альберт уговорил Марию удочерить девочку из приюта. После долгих рассуждений, разъяснений и приготовлений они приняли решение.

Альберт помнил, как они с женой несколько дней наблюдали за группой играющих детей. Помнил, как они взяли Зои прогуляться в парке. Помнил, как она покорила его.

Несмотря на смертельную бледность, девочка светилась, словно солнце среди голых костлявых камней Стоунхенджа, отбрасывающих длинные крючковатые тени. Она брала будущих родителей за руки, ела сахарную вату, плавала на лодке по озеру, даже смеялась. Но когда Альберт и Мария оформили документы и стали папой и мамой, девочку будто подменили: она больше не улыбалась и не смеялась. Мария предположила, что Зои запугали воспитатели вести себя вынужденно весело, чтобы понравиться новым родителям.

«Или, – предполагала Мария, – она потеряла шанс вернуться, если не получится».

Когда Зои вошла в их дом, Мария не особо поладила с ней и, как показалось Альберту, не предпринимала ярых попыток сойтись с приёмной дочерью. Однако Альберт не отступал. Он продолжал окружать девочку заботой и вниманием. Под маской отчуждения он видел совершенно другую девочку.

Она показалась ему маленьким раннеутренним солнышком для мёрзнущего охотника позагорать, тянущего свои окоченевшие руки и подставляющего гусиную кожу груди под нежное, ещё такое невинное и несмелое тепло её души. Как аромат первого испечённого хлеба после зимы, как кошка, переступающая порог, Зои плавно, осторожно втекла в обиталище его небесной частицы, сияя большими карими глазами. Мягкие маленькие руки, не приученные к труду, аккуратно подстриженные ногти, параллельно заплетённые косички, улыбка зубами – дожидающаяся родителей опрятность могла прикрыть, но не прогнать и отпустить искренность веснушчатых щёк и пляшущих пальцев в сандалиях. Альберт сразу проникся к девочке и полюбил её переменчивый характер.

Улыбнувшись, он мысленно поцеловал лоб Зои и чуть прикрыл дверь, так, чтобы она не проснулась от света из коридора и чтобы ночные монстры её не беспокоили. Отправляясь в душ, он осознавал, как ему повезло. Любимая жена, дочь, работа. Всё это он когда-то имел, потерял и теперь обретал вновь. Склонив голову набок, вытянув руки вперёд, безволосая, с облезлым черепом его первая жена держала за руку трёхлетнего ребёнка с затянутым дымкой лицом и звала Альберта к себе. Они стояли в серой увядающей траве, но вокруг благоухали розы. Ребёнок чуть покачивался из стороны в сторону, а его мать улыбалась Альберту белоснежными зубами. Альберт ёжился, но тоже улыбался.

«Скоро они перестанут меня преследовать, – успокаивал он себя. – Совсем скоро».

Глава восьмая

Рим

– Когда тебе предлагают восемьдесят тысяч за то, чтобы ты ел и спал, ты недолго думаешь, ага?

– Я фмогу купить фебе новый компьютеы.

– На кое-что нужно.

– В жизни шанс нужно ловить, сечёшь? Сегодня здесь, завтра там. Хватай пирог, пока на тарелке ещё что-то осталось.

Проводя время в любимой очереди в центре по изучению депривации сна, Рим выслушивал разговоры присутствующих. Перепачканные пыльным уличным мнением, как он думал о них, люди общались так, будто пытались уличить других в большей глупости, чем совершали сами. Студенты, девушки, мужики – люди разного помола, но всех их объединяла жажда денег. Жажда власти, жажда лишнего, жажда зрелищ – такая жажда не имеет ничего общего с жаждой хлеба. Каждый интересовался, зачем сюда пришёл другой.

– Я сейчас временно безработный, а тут таки-и-ие зарплаты. Всем восемьдесят предлагали?

– Мама говоыыт, что иф меня ничего не выйдет. Вот я и хочу фаааботать денег.

– Зачем-то пришла.

– Да я так, по делам ездил, тут рядом оказался. А что?

Отгородившись от обсуждения книгой, Рим закрыл ею лицо. Он не желал видеть уродливую бородавку на шее высокомерной девушки – у него создавалось ощущение, что у девушки росла вторая голова. Один из присутствующих заметил ладонь Рима.

– Эй, парень, а что у тебя с рукой?

«Вот чёрт, – подумал он, – опять забыл перчатки надеть».

– Ты поэтому здесь? На нормальную работу не берут? – продолжал донимать его любопытный мужчина.

– Да, – соврал Рим, переводя тему. – Кто-нибудь уже сюда приходил? Чего вообще ждать?

– Да, – начал один, – но меня через три дня домой отправили. Я в тестах наврал, что у меня ровный график сна, и вылезло потом. Аванс оставили.

– А я, – продолжил шепелявый, – фнаю людей, котоыые пыоходили. Говоыят, фны фнилифь ужафные.

– Я вообще не в курсе, – злилась блондинка с бородавкой, сжимая в руках сумку. – Чего вы ко мне прикопались?!

– Как и ты, парнишка, – похлопал Рима по плечу последний, – я тут в первый раз.

Над дверью загорелась лампа, вошла блондинка и через несколько минут выскочила в слезах, не реагируя на оклики очередных.

– Чего это она?

Присутствующие несколько секунд смотрели вслед девушке, потом пожали плечами и все одновременно потеряли к ней интерес. Из кабинета окликнули Рима, и тот, чувствуя неловкость, встал. Все очередные обратили на него внимание.

– Я, вообще-то, раньше пришёл, э? – возмутился один из мужчин, и Риму стало не по себе. Рим поспешил войти в кабинет, пока мужчина не опередил его, но не почувствовал

победы. В завораживающе белом коридоре сидели люди, хоть и незнакомые, а заходя в кабинет, Рим ощутил себя ребёнком, раздевающимся перед хирургом.

Белобородый доктор в белом халате с прозрачными непроницаемыми глазами посмотрел на Рима, приглашая сесть. У него были идеально чистые руки врача и заваленный бумагами стол. На цепочке мирно покачивались очки.

– Во сколько ложитесь спать? – с порога спросил доктор Рима, не переставая писать.

– Ближе к одиннадцати, – соврал Рим, заглядывая в бесконечные справочники по психиатрии на полках. «Психиатрия. Руководство для врачей и студентов», «Клиническая психиатрия», «Лекции по общей психопатологии», «Шизофрения», «Учение о галлюцинациях» В. А. Гиляровский. Среди научной литературы как-то затесалась детская книжка «Чёрная курица, или Подземные жители». Смутно припомнив содержание, Рим почувствовал страх.

– Просыпаетесь во сколько? – спрашивал доктор, перелистывая страницу.

– Около семи, – вновь соврал Рим, чувствуя покалывающий тело холодок, – будильник на 7:15 и 7:20.

Рим сделал вывод, что в кабинете холодно, и потому у доктора побелевшие костяшки пальцев. Оглядываясь, он видел, что весь кабинет заставлен шкафами с макулатурой, один даже загораживает окно. И ни одного медицинского предмета. Даже стетоскопа нет.

– Рука спать не мешает? Давно пальца лишились? – доктор поднял на пациента глаза, надел очки и потянулся через стол. – Дайте мне руку.

Рим послушно отдал доктору четыре пальца своей искалеченной руки, напоминавшие ему корн-доги.

– Нет, не мешает. Два года назад на предприятии потерял. Болит, только если что-то кислое попадёт. Лимонный сок, к примеру, – растерявшись, отвечал Рим, не помня, что вытаскивал руку из кармана.

– Ладно, нормально, – прокряхтел доктор, но Рим уже понял, что только в очках он похож на старика. – Ты подходишь. Если согласен, я тебе дам ознакомиться с документами на подпись, и завтра… завтра сможем приступить.

Через час с четвертью Рим заходил в свой подъезд, ещё не понимая, стоило ему радоваться и огорчаться. Он получил работу, но грусть, сводя брови, напоминала какую. Входя в квартиру, Рим хотел только одного: чтобы мама спала и не пришлось бы отвечать за извечный вопрос.

Свет в зале горел. Раскладной стол стоял посреди комнаты, на нём скатерть, на ней салаты, горячее, бутылка вина. От стульев, приставленных к столу, кружками на полу падала тень. В проходе появилась мама в платье и бусах.

– А вот и сына пришёл, – заметалась она, переминаясь перед ним с ноги на ногу. – Раздевайся, купайся и проходи к столу. Я курицу через полчаса допеку.

– Ого. А что у нас за праздник, мам? – спросил сын, представляя, как мама с больными ногами двигает неудобный стол, как тащит покупки из магазина, – в горле застрял ком.

– Да просто захотелось посидеть. Ты же на работу устроился. Нужно отметить.

Рим задумался, к чему такая щедрость со стороны матери, но ему стало стыдно размышлять о причине неловкости, с которой она говорила. Она нервничала либо из-за помпезности события – семья редко что-то отмечала, – либо из-за своего наряда. Когда ради тебя наряжается только мама, это странно для вас обоих.

Рим отправился в душ, не желая возвращаться к столу. Не желал выбираться из-под струй воды, чтобы смотреть маме в глаза. Не желал её обманывать. Голова Рима наводнялась проблемами, и ему не удавалось их смыть.

«Она – всё для меня, мой единственный родной человек, нить Ариадны, ведущая в нормальный мир. Почему я не могу быть для неё нормальным сыном?»

Рим плакал под душем и старался об этом сразу же забыть. Старался выдавить слёзы, показаться жалким, чтобы его погладили по голове, и в то же время ненавидел себя за свою жалость. Сжимая в остервенении губы, он поворачивал кран, увеличивая поток пропускаемой горячей воды. Медленно-медленно Рим обдавал плечи и спину всё большей и большей температурой воды, отчего на теле оставались красные полосы. От головы валил пар, воздух впитывал туман, Рим от злости сжимал зубы и кулаки. Ещё немного, и он бы перекрыл воду, упал бы на дно ванной, где, сжавшись клубком, трогал бы обожжённую кожу. Но что-то велело ему выстоять, вернуться в комнату и сказать матери всё как есть.

Прошла вечность, прежде чем Рим предстал перед зеркалом. Пунцовый, как вишня, с длинными красными линиями, тянущимися от груди до живота, он натянул футболку на обожжённое, исходящее паром тело и вышел из парной.

Заскочив в свою комнату переодеться, Рим обратил внимание на то, что у него в гостях побывала мама.

Чтобы сын больше не ловил её за чтением своей почты, мать перестала убирать его комнату, зато всегда задвигала кресло перед компьютером в свойственной только ей манере. Проверив историю браузера, Рим в этом убедился. Последними запросами в гугле никак не могли быть «vixen gjhyj», «ч-фке» и все соцсети. Часто он не обращал на это внимание, но в тот день внутренности, подобно коже, в нём вскипели, желудочный сок, испаряясь, стал выходить изо рта. Когда люди волнуются, у них плохо пахнет изо рта.

Мама вынесла курицу на подносе, поставив в центр стола.

– Как всегда поделим: мне крылья и ножки, тебе – всё остальное, – застенчиво улыбалась мама, пытаясь создать атмосферу праздника.

Намереваясь заглушить позывы желудка, сын с энтузиазмом наложил в тарелку гору салата и, не глядя матери в глаза, уверенно объявил:

– Я завтра уеду. Записался на одно исследование по изучению сна. Четыре недели буду ночевать в клинике.

Поставив перед лицом заслон, мама невозмутимо продолжала раскладывать салфетки и хлеб.

– А работа в магазине?

– Я решил там не оставаться, – холодно объявил Рим. И, секунду подумав, добил: – За исследование получу немалую сумму и куплю тебе принтер к ноутбуку, чтобы ты больше не пользовалась моим компьютером.

Произнося последнюю фразу, Рим дважды запнулся и покраснел. Камень стены маминого лица треснул, и сын запомнил её гневный взгляд. Чтобы не потеряться под ним, он демонстративно оторвал у курицы ножку и положил в тарелку.

Мама развернулась и с полупустой тарелкой ушла в свою комнату, страшно хлопнув дверью. Ножка курицы, которую Рим оторвал, обдала его пальцы паром, и от боли он прикусил губу. Яркий свет зала давил на него, потому он тоже ушёл ужинать в свою комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.